

Дмитрий Жуков

Путь сквозь жизнь

Часть I: Начало пути

Сложно сказать что-то новое, бесконечно мудрое, словно время. Но форма изменчива, а суть остается сутью, единой и неделимой. Поэтому можно иначе взглянуть на вещи. Расставить акценты так, как еще никто, нигде и никогда.

Глава 1

Ночь. Существо, похожее не то на человека, не то на зверя сидит у костра и задумчиво смотрит в огонь. Родом он из далеких северных земель, свирепого края, где обитают дикие племена варваров.

Рядом с ним спит девушка. Судя по ее остроконечным ушкам, удивительной красоте и необычайно длинным иссиня-черным волосам, которые украшает прекрасная диадема, можно сказать с уверенностью, что это эльфийка благородных кровей. Ее чувственные, полные тайной неги губы слегка приоткрыты, обнажая полоску жемчужных зубов. В свете костра ее

белоснежная кожа обладает чарующим розоватым оттенком и кажется, от нее исходит магическая аура. Девушка спит спокойным сном. Улыбка, словно тень от костра, ложится на ее губы. Безмятежность эльфийки немного успокаивает и ее бдительного стража.

Неподалеку чутким сном спит другой могучий воин. Его воинственное и даже несколько свирепое, усеянное многочисленными шрамами, однако вместе с тем благородное, хотя и лишенное красоты и изящества лицо безошибочно указывает на то, что он орк. Его могучая грудь бесшумно вздымается и опускается с каждым ровным и спокойным вдохом и выдохом. И порою кажется, что это вовсе не кто-то живой, а маленькая гора, что вот-вот сдвинется с места и пойдет своею дорогой. Много изменилось в истории орков за последние годы. Еще несколько десятилетий назад они были рабами. Теперь они одни из самых почитаемых и уважаемых воинов в армиях эльфийских королей. Удивительная штука судьба.

Поднявшись во весь свой громадный рост и потянув широкими ноздрями холодный ночной воздух, бдительный страж бесшумно выдыхает. Его бесстрашный взгляд прорезает тьму, что не в силах скрыть от него свои тайны. Не уловив и малейшего признака угрозы, он вновь устремляет свой взор в пламя костра, что всецело овладевает его

вниманием. Огонь тянется к нему своими языками и от этого его густая черная шерсть блестит и переливается в ярком свете костра.

Хотя облик таинственного существа и внушает страх и трепет, от обычных оборотней он отличается так же, как волк отличается от собаки. Однако в его чертах нет ничего схожего с волчьими, скорее он похож на огромную дикую кошку. Возможно, способность перевоплощаться из зверя в человека и наводит на мысль о том, что он оборотень, но грозный страж прекрасной эльфийки очень не любит, когда в нем узнают именно перевертыша, презираемого всеми народами без исключения носителя проклятия вервольфа. Но с этим уже ничего нельзя поделать, а потому приходится мириться. Лишь немногим известна тайна грозного выходца из севера.

Эти трое — весьма примечательная компания, особенно если взять во внимание то, что эльфийка путешествует инкогнито, но именно орку и оборотню поручено охранять их подопечную, поскольку никому она не доверяет так, как им.

Троим путешественникам предстояло выполнить весьма непростую задачу. Впрочем, оборотень не мог вспомнить легких моментов в своей жизни. Приятные — да; легкие — никогда. Временами ему даже казалось, что полная тягот и лишений жизнь неустанно готовит его к чему-то

очень важному и что главное испытание ожидает его впереди, а все, что приключилось с ним до этого и продолжало случаться, лишь приближало к цели и неизбежному финалу. Кое-кто назвал бы это фатализмом. И все же жизнь без приключений не жизнь, а скука. Что же касалось испытаний, то и они бывают разными — бесконечные страдания и бесчисленные утраты, дружба до самого конца, до самого последнего вздоха и коварное предательство, настоящая любовь и ненависть, что сжигает изнутри, испытания временем; все это он ни раз испытал на себе самом.

Оборотень вспомнил слова своего отца: «Терпи все, потому что это ничто в сравнении с тем, что человек перенести может». Его отец был человеком. Когда-то он тоже был им и не забыл о том, чему это время научило его. Та жизнь сделала из него того, кто мог бы стать и зверем, и человеком. Однако если бы перед ним встал выбор, кем остаться навсегда, то он не знал наверняка, что смог бы выбрать или, скорее, что его выбор оказался бы правильным. Зверь и человек. Или зверь, или человек? А быть может кто-то еще, но совсем не тот, кто он думал, что есть или мог бы стать.

История первая

1

Джугаро приходилось бывать на невольничьих рынках соседних с северным королевством варваров стран, но сегодня ему самому посчастливилось стать товаром. Прежде он никогда не задумывался о том, каково же это — быть рабом и что чувствует человек, а также любой другой представитель разумной расы, когда на него надевают цепи и ставят клеймо. Худшее из возможных проклятий богов пало на голову Джугаро, ибо теперь его плечо уродовала ужасная метка раба. С тяжелым сердцем варвар принимал то, что теперь мир, зная о его позоре, отнесется к этой боли лишь с презрением. Отныне и навсегда клеймо определяло судьбу Джугаро и свободным он не сможет почувствовать себя уже никогда. «Раб», — лишь один только звук этого слова, небрежно произносимый проходящими мимо, словно когтями хищного зверя впивался в стонущее и вопиющее от несправедливости сердце, а невидимые для большинства раны живого человека кровоточили и болели нестерпимо. Подняв в небо глаза, гордый северянин с последней надеждой посмотрел в его безмятежную синеву.

Джугаро рос и воспитывался отцом и дедом, не зная материнской любви и ласки. Однако он хорошо знал, как быстро стекает кровь с лезвия холодного клинка, пронзившего плоть, и как медленно могут тянуться последние мгновения умирающего друга или врага. Отец Джугаро позаботился о том, чтобы сын осознал и как следует запомнил то, что лезвие меча — это жизнь и смерть одновременно. «Отнимая жизнь врага на войне, животного — на охоте, нельзя забывать о той жертве, которая приносится во имя того, чтобы более сильный и достойный мог продолжить свой жизненный путь. Жизнь бесконечно полна бесценных уроков и наставлений, которыми не следует пренебрегать», — вспомнил Джугаро слова отца, которые тот часто повторял ему в детстве, когда они охотились вместе.

В их родном поселении жизнь не была простой: трудиться приходилось много с самого рассвета и до заката. Но даже когда ночь опускалась, расстилаясь черным покрывалом по земле, а жители их деревни засыпали утомленные дневной суетой и заботами, даже тогда в ночной тишине по всей деревне слышались порою глухие и тяжелые, порою звонкие и частые удары молотов о наковальню, в которой трудился юный варвар, помогая отцу. Дед Джугаро почитался человеком мудрым и уважаемым среди соплеменников. И

несмотря на дряхлость своих лет, старик никогда не уставал удивлять Джутаро своим тонким и проницательным умом, с гордостью передав единственному внуку свой опыт и свои знания, обучив его грамоте, а впоследствии и первобытной магии их народа.

И все же Джутаро не всегда следовал советам отца и деда, унаследовав присущие северным народам варваров своеволие — непоколебимое, словно мерзлая скала, грубоватую откровенность, часто граничащую с надменностью, холодностью и мнимым безразличием, а также свирепость, сравнимые со снежными и горными обвалами — внезапными и столь же стремительными и смертельными. «Временами мудрость приходит к нам лишь с болью. И хорошо, если так. Эти уроки запоминаются на всю жизнь!», — припомнил Джутаро одно из наставлений своего деда. Тем не менее, за последнее время боль в его жизни слишком часто обретала то поразительно четкие физические формы, то химерные и призрачные очертания боли душевной. Джутаро не был склонен к пессимизму и удрученному состоянию духа, однако, будучи реалистом, он с трудом мог поверить в то, что оптимистические аккорды еще когда-нибудь прозвучат в его жизни.

После нескольких неудавшихся попыток бегства Джутаро жестоко избили, несколько дней

не кормили, а когда варвар продемонстрировал свои первобытные магические познания, колдуны из гильдии чернокнижников как следует взялись за Джутаро, чтобы раз и навсегда отбить у него желание бунтовать и противиться воле своих господ. Однако то мужество, с которым он переносил все пытки и истязания, вынудили заклинателей прибегнуть к самым изощренным методам по усмирению рабов. В конце концов, северянин сдался. Но, несмотря на это, по распоряжению управляющего имением владельца Джутаро слуги заковали не в меру своевольного раба в кандалы, на которые было наложено весьма хитроумное заклятие, пресекавшее любые попытки использовать магию, сколь бы примитивной она ни была. Мысли разорвать цепи покинули Джутаро в то самое мгновение, когда его заковали в них — он едва ли мог пошевелиться. Однако после нескольких ударов кнутом, Джутаро, кряхтя и изо всех сил напрягая мускулы, потащил свою незавидную ношу на рынок, а надсмотрщики безбожно глумились и издевались над ним и другими рабами, не скупясь на ругательства и непристойные выражения.

Уже прошло несколько месяцев рабства, а постигла Джутаро эта незавидная участь вскоре после того, как его родное поселение сожгли, оставив в его сердце лишь тяжесть воспоминания,

но ничего, что можно было бы оплакать или о чем можно было бы сожалеть. Воины его клана сражались отчаянно и свирепо, но силы оказались неравными и соплеменники Джутаро были вынуждены уступить захватчикам и сдаться, обрекая себя тем самым на позорное и жалкое существование.

После многих лет вражды племена варваров объединились, чтобы выстоять в борьбе с иноземными захватчиками. Возможно, северные кланы и обошла бы стороной беда, поскольку их суровые земли чужеземцы считали весьма неприглядными, что однако всегда удивляло Джутаро, всем сердцем и душой любившим свой край. И тем не менее один из правителей, прославившийся своими победами и тем, что еще ни разу не потерпел поражения в ратном искусстве, возжелал покорить непокорных варваров. Его самолюбие разожгли, словно угли тлеющего костра, и вскоре король юга Арзул вторгся в земли северян. Весьма вероятно, что его поход окончился бы неудачей, но предательство и обман, равно как и жажда мести — это яд, который способен ослепить и одурманить даже самый трезвый и ясный разум.

Война прилась на зимний период. Варвары, для которых суровые прихоти и капризы их дикого и непокорного края были словно часть души и сердца, больно жалили и кусали тирана,

пожелавшего покорить их волю своей. Закаленные в неустанных клановых войнах северяне редко вступали в открытый бой с многочисленной армией короля юга, предпочитая заманивать неприятеля туда, где Арзул и командиры его легионов несли тяжелые потери и терпели поражение за поражением. И вот, когда победа казалась уже не за горами, произошло самое очевидное, что может случиться с теми, кто искушен властью, кто амбициозен, но всегда и во всем остается пленником своих иллюзий и несбыточных надежд.

Вы, возможно, подумали, что королю южан удалось подкупить вождей кланов? Нет, все случилось несколько иначе. Доблестные варвары никогда и ни за какие сокровища не продадут свою свободу, ибо лишь только ее и считают самым дорогим, что только может быть у человека. Варвары искренне верят в то, что без свободы и чести все, чем бы ни обладал народ, лишено смысла.

Грозные жители холодного и сурового севера крайне редко карают своих соплеменников смертью. В большинстве случаев клан отрекается от провинившегося и навечно изгоняет его из деревни. Изгнаннику ничего не остается, как покинуть некогда родные края, либо уйти высоко в горы и погибнуть там от когтей и клыков диких животных и свирепых чудищ. Однако изгнание не

столько смывало позор с виновного, сколько с клана и вождя перед лицом и судом всего народа варваров севера. Судьба изгнанника незавидна и большинство становятся наемниками за пределами некогда родной земли. Услугами перебежчиков предводитель южан и решил воспользоваться, пообещав щедрую плату. Так король южан Арзул узнал о хитростях северных жителей, о том, где и когда следует ждать следующего нападения, узнал он также и о горных перевалах и тайных тропах, которыми ходили варвары, чтобы устроить его войскам очередную западню. Располагая столь важной информацией, силы Арзула начали действовать более эффективно. Засады и внезапные атаки варваров уже редко оказывались столь успешными: предупрежденные и обученные предателями, солдаты Арзула рыскали по лесам в поисках разведчиков и следопытов, расправляясь с ними тотчас же на месте.

Все чаще северянам приходилось вступать в бой с основными силами южан, в которых варвары несли тяжелые потери. Силы кланов таяли на глазах, но не меньше страдал и их боевой дух. Многие покинули свои дома и вместе с семьями уходили в горы. Немало было и тех, кто предпочел смерть с оружием в руках позорному бегству и полуживотному существованию на заснеженных вершинах. Больше половины лучших сыновей

варварских народов пало, те же, кто выжил, но не успел скрыться, оказались в плену.

Несколько отрядов, возглавляемых молодыми командирами, — одним из которых оказался Джутаро, — продолжали уводить своих соплеменников все выше и выше в горы, лишь временами позволяя себе совершать вылазки из своих укрытий, нападая на малочисленные отряды южан, посланные на разведку и заблудившиеся в густых лесных чащах у подножий гор. В конце концов, молодые командиры, в чьих сердцах закипала злость, а жажда мести, что затмевала разум, вынудила их жестоко поплатиться за свою дерзость и необдуманность своих поспешных решений.

Зима подходила к концу согласно календарю, но погода все никак не налаживалась: снежные бураны, лавины и мороз неустанно преследовали южан. Этим Джутаро решил воспользоваться, чтобы вернуть свободу своим поработанным соплеменникам. Несколько удачных набегов воинов Джутаро освободили многих, вернув отцам детей, сестрам братьев, а женам их мужей. Варвары никак не могли поверить в свое чудесное избавление. И все же большая часть пленных оставалась за пределами досягаемости: пробиться же к центру лагеря, окруженному ветеранами короля Арзула было настоящим самоубийством и

никто, кроме Джугаро и безумцев из его отряда, никогда бы не решился на столь отчаянный шаг.

Юный командир тщетно пытался найти отца и деда. И с каждым днем Джугаро становился все ближе к мысли о попытке пробиться пусть даже и к шатру самого короля южан. Однако вскоре один из освобожденных его отрядом пленников поведал ему о том, что Орвал и Зовар погибли. Для Джугаро все было решено: он должен был во что бы то ни стало пробраться в лагерь Арзула и покончить с королем южан, положив конец безумной военной кампании и рабству, что словно мор свирепствовали в лесах, горах и деревнях, унося жизни и не оставляя надежды на спасение. Возможно, что самая суровая и затяжная зима стала карой богов за нерешительность и слабость его народа, а потому Джугаро решил действовать.

Тщетно соплеменники и боевые товарищи Джугаро уговаривали его оставить эту затею, но ни одна из причин не казалась достаточно веской, чтобы изменить принятое решение. Собственная судьба мало заботила Джугаро теперь, когда он остался один на один с целым миром. Варвар готовился обрушить на врага весь свой гнев, что рос с каждой новостью о том, что кто-то из соплеменников терял близкого или, что ужаснее — всю семью. Джугаро больше не различал боль свою и чужую, это чувство ушло, уступив место

нечеловеческой жажде мести и справедливости.

Ценой невероятных усилий и немалых потерь с обеих сторон северянам удалось продолжить освобождение пленных. И было весьма вероятно, что Арзул наконец-то оставит варваров и их земли в покое. Прошел слух о том, что его неудавшаяся военная кампания против северных кланов затянулась, а в его собственном королевстве разгорелась череда кровавых восстаний. Быстро распространяющееся известие грозило тем, что, вернувшись домой, король-завоеватель мог обнаружить, что его поданные служат другому монарху, заботящемуся о процветании граждан своей страны, а не о расширении границ и владений, до которых простому люду не было никакого дела. Однако для Джутаро и нескольких юношей, чьи семьи заплатили своей кровью и жизнями ради свободы их народа, это уже не имело никакого значения. Арзул мог уйти только заплатив сполна. И покинуть этот мир король южан должен был так же, как и их близкие и родные: страдая от ран и мучаясь мыслью о скорой и неизбежной смерти.

Решив воспользоваться внезапным и поспешным отступлением армии короля Арзула, Джутаро и его отряд атаковали самое сердце лагеря врага. Застигнутые врасплох южане даже не подозревали, что их атаковала лишь небольшая

группа воинов. Эффект внезапности и та свирепость, с которой Джутаро и его воины начали штурм, буквально превратила их в вихрь из огня и железа. И варвары вскоре достигли своей цели. Однако в то самое мгновение, когда обезумевшие от боя и пролитой крови врагов воины Джутаро оказались у входа в шатер, их окружили отборные силы короля Арзула. Кольцо сомкнулось, а зверь оказался заперт в ловушке.

Тот самый варвар, который поведал Джутаро о судьбе Орвала и Зовара, не побоялся вновь вернуться в лагерь южан и сообщить врагу о готовящемся покушении на короля Арзула. Сознал ли этот человек, какое преступление совершает? Да, сознал. Но совершал он это подлое злодеяние из опасения, что армия захватчиков наверняка захочет отомстить в случае, если Джутаро удастся осуществить задуманное и убить короля южан. Предавая своего спасителя, варвар искренне верил в то, что совершает меньшее зло во имя большего добра. Конечно же, Арзул был тронут словами предателя, но покидал он земли варваров по уже давно известным причинам. Приказав повесить доносчика, Арзул приготовился встречать незваных гостей. Стоит ли говорить о том, что Джутаро так и не удалось отомстить за смерть отца и деда? Тем не менее, Арзул был восхищен тем, с какой храбростью и отвагой

сражались варвары. В итоге в живых остался только Джугаро, но и он бы не выжил, если бы придворные лекари и маги короля Арзула не выходили варвара. Вот что большего всего удивило советников и генералов Арзула: зачем было оставлять в живых человека, пытавшегося убить тебя, и который наверняка решится повторить неудавшуюся попытку? Чем руководствовался в эти мгновения король Арзул? Кто знает, быть может, боги уготовали иную участь Джугаро, и время отчаянного сорвиголовы еще не пришло? Возможно, так оно и было, но так или иначе, а воля короля Арзула была тверже камня. Король юга не привык нарушать данное им слово, его же поданные не смели ослушаться своего господина, искренне веря, что их повелитель слышит голоса богов.

Немногочисленные силы варваров, значительно поредевшие в стычках с силами короля Арзула, окончательно утратили боевой дух, когда стало известно, что Джугаро и воины из его отряда то ли в плену и вот-вот будут казнены, то ли, что было более вероятно, уже мертвы. В этой кровавой и бессмысленной резне Арзул вряд ли мог считать себя победителем, поскольку загнанные в горы варвары продолжали оставаться все так же недостижимы. Впрочем, и северяне больше не предприняли никаких решительных действий, а

потому Арзул решил, что лучше отступить, сохранив силы и боевой дух своего войска для предстоящих сражений в родных землях. Южане, несмотря на то, что их победа над северянами казалась довольно сомнительной, приободрились известием о том, что они покидают неприглядные холодные края, оставляя у себя за спиной пусть и живого, но истерзанного и обескровленного врага. Так закончилась военная кампания короля Арзула против северных племен варваров. Так кто же в этой войне остался побежденным, а кто — победителем? Война опустошила северные земли, забрав жизни многих. Но если потерям и утратам варваров на этом суждено было закончиться, то страданиям и горю короля Арзула лишь только предстояло по-настоящему начаться.

К тому времени, как военный лагерь южан полностью снялся и покинул место своей стоянки, Джутаро еще не пришел в себя. Король Арзул часто навещал варвара, часами просиживая у постели юноши, бредившего в горячке. Однако вскоре болезнь отступила, вернув ясность разуму Джутаро. Варвар пришел в неопишемую ярость, когда узнал, что он выжил только по милости человека, виновного в смерти его семьи. Но Джутаро обуздал свой гнев. К удивлению многих король и варвар подружились.

Когда южане вернулись домой, то

обнаружилось, что все подозрения и самые худшие опасения короля Арзула подтвердились. Новый монарх провозгласил себя единственным достойным короны и трона королевства юга и всех вассальных земель Эонии. Арзулу оставалось лишь одно: либо присягнуть на верность новому правителю и терпеливо ждать, когда его отравят или задушат во сне, либо бежать и добровольно стать изгнанником. В обоих случаях рано или поздно он бы погиб от рук подосланных к нему убийц. Поэтому Арзул мудро рассудил, что, захватив и покорив немало земель и королевств за пределами Эонии, будет не лишним продемонстрировать мощь своей армии собственному народу, поддержавшему бунтовщиков в его отсутствие. Так для Джугаро началась новая война, в которой он выступил на стороне короля Арзула. Эта гражданская война, в ходе которой оба монарха оспаривали власть, словно псы, грызущиеся за кость, напомнила Джугаро межклановые войны варваров, в которых каждый из вождей мечтал добиться такого могущества, которое принесло бы абсолютную власть одному человеку над всеми остальными. К счастью для эонийцев война оказалась недолгой, в результате которой Арзул потерпел поражение и был казнен, а Джугаро оказался на невольничьем рынке одной из самых отдаленных провинций королевства юга.

Теперь же Джутаро стоял и ожидал своего часа. Его могучее телосложение привлекало внимание проходящих мимо людей, интересующихся приобретением живого товара. Хотя рядом с северянином стояли не менее привлекательные кандидатуры для галер, рудников и прочих престижных должностей, обещающих немало «дивных» встреч с кнутами надсмотрщиков, Джутаро выделялся среди остальных своим ростом.

В то время как руки потенциальных покупателей беспардонно ощупывали голые тела рабов, работорговец и хозяин Джутаро на скорую руку выдумал легенду о том, что его новый раб состоял в личной гвардии короля Арзула, которую тот сформировал во время своих легендарных походов против диких варварских племен севера. Работорговец не уставал хвалить воинские и охотничьи таланты Джутаро.

Работорговцы, стоявшие неподалеку и слышавшие это, злобно поглядывали то на хозяина Джутаро, то на самого варвара. Этот толстый здоровяк перекрикивал их всех разом, и вокруг него уже собралась толпа желающих купить именно его рабов. Кто-то пригрозил владельцу Джутаро, что ему и его рабу свернут шею или утопят на потеху всем, если он не заткнется. Однако угрозы не

возымели ожидаемого результата. Возможно, что хозяин северянина не расслышал этих слов, увлеченный торговлей или же просто проигнорировал сказанное, полагая, что его конкуренты достаточно унижены его удачливостью. К тому же, подобные угрозы вряд ли возымели бы эффект в отношении человека, который сам мог придушить или утопить кого угодно. Тем не менее, телохранители работорговцев продолжали внимательно следить за порядком. Никому не нужны были неприятности. Городская стража охотно предоставляла торговцам возможность самостоятельно улаживать свои споры и мелкие дразги. Тугие кошельки со звенящими монетами, полученные от благодарных торговцев, солдаты затем шумно и весело проигрывали в кости, пропивали в трактирах — тратили на то, что скрашивало их нелегкую службу.

Хозяину Джугаро уже удалось продать не один десяток невольников и притом довольно успешно, но к северянину все никто не подходил, несмотря на пылкие рекомендации его хозяина. Работорговец шепнул Джугаро, что если ему не удастся продать его еще в течение хотя бы часа, то он его оставит без ужина. Варвар ответил работорговцу туманным взглядом и глупой улыбкой, растянувшейся на изможденном лице. Несмотря на все истязания и на свою умную цепь,

которая словно злой сторожевой пес следила за каждым его движением, варвар не переставал продумывать план побега — более удачного, нежели все предыдущие.

Кто-то из слуг работорговца шепнул своему хозяину, что при побеге Джутаро использовал магию. Работорговец при упоминании волшебства в буквальном смысле просиял при мысли о том, как дорого он сможет продать северянина, а потому принялся еще больше расхваливать своего раба, обладающего знаниями вещуна и знахаря, что как минимум вдвое поднимало цену за Джутаро. Работорговец понимал — ничего подобного дикарь, конечно же, знать не мог. Однако никто бы и не стал требовать, чтобы северянин демонстрировал свои способности: ранее слуги уже достаточно натерпелись от этого юнца, что был силен, словно стадо диких буйволов. Вскоре несколько проходивших мимо господ заинтересовались столь редким в южных землях Эонии рабом. И когда один уже почти купил Джутаро, неожиданным образом этот покупатель поник и словно загипнотизированный отправился в одном ему известном направлении, совершенно позабыв о своем столь удачном приобретении.

— Вот идиот! — очень громко без стеснения и страха того, что его могут услышать, прокомментировал случившееся работорговец. Не в

силах скрыть своего удивления, он шепнул Джутаро: — Похоже, я смогу заработать на тебе больше одного раза. Если еще один такой безмозглый кретин попадется мне, я подумаю о том, чтобы возможно и покормить тебя сегодня.

Хотя варвар не сильно обращал внимание на колкие реплики, неустанно изливавшиеся в его адрес — и не только хозяином продаваемых рабов — у Джутаро вдруг возникло сильное желание ударить головой в мясистый кривой нос наглого торговца живым товаром. И все же варвар сдержался, но не из страха. Джутаро просто не хотелось пачкаться об эту помесь дегенерата и свиньи. Люди, вроде этого работорговца, полагали, что в силу своего положения могут позволить вести себя настолько разнуздано и своевольно, насколько им это позволял их кошелек.

Вскоре появился еще один покупатель, который заинтересовался Джутаро. Это оказалась женщина. Приобретение женщиной раба, будь она эонийкой или приезжей, не расценивалось как нечто предосудительное или из ряда вон выходящее. Для южан это считалось обыденным делом, неотъемлемой частью ведения хозяйства. И в этом свободные граждане Эонии обладали равными правами, как мужчины, так и их жены. Удивительным было то, что госпожа была одна — без слуг, а также то, что выбранный ею раб был

мужчиной: обычно знатные господа отвечали за покупку рабов-мужчин, а их жены — рабынь. Лишь за редкими исключениями знатная эонийка приобретала раба-мужчину. По всей видимости, это был один из тех редких случаев.

Рабовладелец успел отметить, что покупательница не выглядела здешней: уж слишком она была непохожа на южанок и даже приезжих из соседних королевств — вассальных и союзных Эонии. Своих клиентов работорговец знал хорошо. Подобное вызывало подозрения. Но какое дело было собственно ему? Он занимался продажей рабов. А кому? Зачем? Ему было без разницы — главное, чтобы сделка прошла удачно. Отогнав излишнюю подозрительность, хозяин Джугаро принялся гадать, сколько золота ему удастся выгадать и что с этой госпожи, пожалуй, можно попытаться взять вдвое больше полученной им уже суммы, если уж северянин действительно так нужен ей. Зажмурившись при мысли о том, что ему удастся продать одного раба дважды, да еще и за такую цену, он чуть было не лишился чувств. Самодовольство постепенно брало над ним верх, и работорговец стал расхваливать выбор таинственной незнакомки, умеющей по достоинству оценить хорошего раба.

— Госпожа, замечательный выбор!
Взгляните-ка на его... На его руки, его... ноги!

Какой высокий и невероятно сильный юноша, госпожа! — работорговец едва удержался и теперь мысленно проклинал свою распущенность. С его языка чуть было не слетела колкость, за которую он мог поплатиться перед градоправителем. Мало того, что ему пришлось бы даром отдать северянина, так еще мог получить с полдюжины плетей или же изрядно приплатить, чтобы избежать наказания. Теперь же работорговец надеялся, что интерес, проявленный таинственной незнакомкой к рабу, окажется сильнее желания устроить ему неприятности. Ну не мог день, начавшийся столь удачно, закончиться так отвратительно. При мысли о плетях и убытках работорговца передернуло. Сейчас он молился всем известным ему богам своей и чужих религий, чтобы они наконец-то избавили его от этого несносного дикаря. Почему-то работорговцу не терпелось отделаться от Джутаро. — Да-да! Сам король Арзул..., — начал было он вновь, однако был тут же остановлен жестом незнакомки. Этот жест продавец живого товара понял правильно и решил заткнуться, чтобы ненароком не ляпнуть еще какую-нибудь глупость.

Стоявшие по соседству работорговцы и внимательно наблюдающие за разворачивающейся сценой, не упустили ни единого слова из диалога своего сотоварища по ремеслу и таинственной незнакомки. Весь рынок, казалось, готов был

забыть о торговле, предпочтя глумление процветанию. К радости несчастного, ставшего центром всеобщего внимания, таинственная незнакомка заговорила и голос ее возымел неожиданный эффект, а окружающие их люди, словно по команде, мгновенно утратили к ним интерес и принялись заниматься своими привычными делами.

— Меня не интересуют мужские достоинства этого еле живого человека. Ты упомянул о том, что он варвар из северных земель. Что из этого вранья правда? — холодный взгляд незнакомки в дорогих и роскошных одеждах привел работорговца в еще большее смятение. Прямливая нечто несуразное, хозяин Джугаро все же выдал более ли менее четкий ответ.

— Госпожа, как можно?! Какое вранье?! Никакого вранья! Чистая ложь! То есть чистая правда! Никакой правды, честная ложь! — несчастный продолжил мямлить дрожащими губами. Хозяин Джугаро готов был поклясться, что, наверное, сейчас ему было даже хуже, чем северянину, над которым его охранники и колдуны с его же разрешения произдевались сверх положенной меры. Меры, утвержденной законом королей Эонии. Слуги работорговца начали тихонько хихикать и подшучивать над несчастным, а тот в растерянности оглядывался по сторонам,

ища у них поддержки.

— Ты дурак и болван! Я задала тебе вопрос: он — варвар? Если да, то сколько ты за него хочешь? — холодный взгляд таинственной госпожи скользнул плетью по шушукующимся слугам и те мгновенно умолкли. Работорговец же при упоминании денег быстро пришел в себя.

— Да, варвар. Истинно говорю. Король Арзул привез его из далеких земель. Северных, как правильно заметила госпожа. Говорят, свирепый воин, который сражался против короля, но Арзулу удалось приручить этого дикаря.

— У этого дикаря, как ты изволил выразиться, больше достоинств, чем у всего этого базарного сброда, включая тебя в первую очередь. Теперь скажи, сколько ты хочешь за него? — не удостоив работорговца вниманием, она продолжила внимательно изучать Джутаро, а вернее — его многочисленные раны и ушибы. Возможно, что любая другая знатная госпожа и обратила бы внимание на сказанное недалеким и жадным торговцем рабами, не упустив возможности заполучить северянина даром. Однако и, по всей видимости, эта таинственная незнакомка была действительно слишком заинтересована в приобретении варвара, чтобы обращать внимание на недосказанности человека давно привыкшего к подобному обращению и обращавшемуся так с

другими. Подлец же, в предвкушении удачной сделки, скорчил идиотскую мину и с важным тоном произнес:

— Ну, не знаю. Многие интересовались этим доблестным юношей.

— Сколько? — медленно, будто прошипела змея, произнесла незнакомка и снова посмотрела в глаза работорговцу.

Тот побледнел и визгливо протявкали:

— Десять золотых монет, госпожа!

— Десять, так десять. Держи. Хотя тебе уже заплатили за него, будем считать, что сегодня твой удачный день, свинья, — неожиданно произнесла незнакомка приятным и певучим голосом и бросила торговцу рабами мешочек со звенящими монетами. Тот от неожиданности едва не упустил золото. — Проверишь? — спросила она у него.

Последний нервно затряс головой из стороны в сторону, демонстрируя, что он оскорблен подобным вопросом. Затем, тяжело сглотнув, дрожащими губами работорговец поблагодарил госпожу. Не дожидаясь, пока хозяин придет в себя, слуги освободили Джутаро, весело подмигивая ему, полагая, что Джутаро улыбнулась удача. А как же иначе? Его купила таинственная и прелестная незнакомка, а не хозяин галер и не владелец рудников или шахт, где несчастные просыпаются от свиста и ударов кнута надсмотрщика и жизнь их

убога и жалка, ибо свой кнут надсмотрщик ценит больше, чем жизнь такого же человека, как и он сам. Слуги уже было хотели снять с Джутаро его магического стража, когда незнакомка вновь заговорила.

— Нет. Пусть остается в цепях.

Слуги с недоумением переглянулись и посмотрели удивленно на хозяина, но работорговец только молча кивнул, развеяв любые сомнения в необходимости спора и не желая навлечь на себя еще больший гнев. Слуги поспешили помочь спуститься Джутаро, приняв на себя половину его ноши. Это было последнее, что они могли сделать для него. Вскоре Джутаро и его госпожа затерялись в толпе.

— Ну и баба, — завистливо присвистнул один из ближайших помощников работорговца.

Удивленный взгляд работорговца, адресованный недалекому ассистенту, ничуть не смутил последнего. Работорговец до сих пор не мог прийти в себя от взгляда таинственной незнакомки, а потому, пошатываясь, направился в свой шатер. Еще никогда столь удачная сделка не оставляла в нем таких мучительно тяжелых чувств и головной боли, а потому работорговец желал как можно быстрее забыть о случившемся. Ухватив край развевающейся белой материи, он только теперь услышал удивленный странной сменой настроения

хозяина голос помощника, на которого впечатление производили лишь звонкие монеты и те скудные радости жизни, которые он мог удовлетворить этими деньгами.

— Господин? Мы же еще не закончили! И позвольте узнать, что мы скажем колдунам, когда они спросят о своей колдовской цепи? Господин?

В ответ работорговец лишь отмахнулся рукой, словно от назойливого насекомого, так и не удостоив своего помощника взглядом. Тот лишь пожал плечами и усмехнулся, поскольку знал, что ведающие темными искусствами колдуны и чернокнижники тоже любят золото, также как и простые смертные. Люди могли спорить о многих вещах: криком кричать или шепотом говорить, но в чем они были едины, так это в любви к деньгам в любом виде: и короли, и нищие, маги, торговцы рабами и хлебом. К тому же чародеи предпочитали не портить отношений с рабовладельческими гильдиями. Также как и с остальными, кто занимался темными делишками при свете дня и под покровом ночи. Теперь ему самому предстояло продолжить продажу живого товара вместо хозяина. И мерзавец потерял руки в предвкушении неожиданной и весьма перспективной наживы.

Никто не обратил внимания на человека в серо-коричневых одеждах, наблюдавшего за продажей Джутаро. Он последовал за таинственной

незнакомкой и ее рабом. Вскоре к нему присоединилось еще четверо в столь же неприметных одеждах.

3

Джугаро не спеша тащился вслед за своим новым господином, а вернее — госпожой. Он нарочно шел медленно, оценивая свои шансы. Когда они покинули душные ряды, где десятками и сотнями толпились рабы, их хозяева и слуги работоторговцев, в его голове немного прояснилось, и он начал размышлять над этой неожиданностью. За эти несколько месяцев, что он провел в королевстве Эония, с ним приключилось много чего.

Чего стоило одно только путешествие с королем Арзулом через жаркие пустыни и безжизненные бескрайние пустоши, отделявшие два конца света: север и юг. Джугаро даже и не подозревал, что мир настолько велик и так отличается от того мира, в котором жил он. Арзул поведал Джугаро о том, как он узнал о готовящемся на него покушении. Хотя в гордом северянине закипала злость и он проклинал самого себя, все же Джугаро не мог понять двух вещей. Первая — что же все-таки произошло с его народом, опустившимся до столь подлого предательства? А второе, почему же король Арзул пощадил его?

Ответ очень сильно удивил Джутаро.

Оказалось, что много лет назад сын Арзула погиб: отравленная стрела, предназначавшаяся Арзулу, убила его единственного сына. Варвар, предавший Джутаро, рассказал о том, что дед и отец Джутаро погибли в ходе войны севера и юга. Король южан увидел в этом знак свыше. Хотя Арзул прекрасно понимал, что он навсегда останется врагом для Джутаро, король, все же, не хотел выглядеть бессердечным и жестоким тираном в глазах гордого юноши, а потому приказал отпустить всех пленных северян. Для большинства южан этот поступок мог означать лишь только то, что Арзул уже не тот король, каким был прежде. Ненужная и бессмысленная военная кампания, закончилась фактически провалом, а пленные северяне, которые как-то могли окупить затраты, в итоге были отпущены на свободу. Подданные короля Арзула не переставали гадать, что же это — запоздавший акт милосердия, либо же прогрессирующее безумие? Кто-то сказал однажды, что любая война — бессмысленна; тот, кто развязывает войны, болен безумием, словно одержимый, но всегда опустошенный в конце, ибо нет безумцу утешенья и покоя в этом мире, не найдет он его и после смерти. Однако тот, в чье сердце постучалось милосердие — будет прощен и, спасая одного достойного, спасет и себя.

Однако же когда Джутаро узнал о том, что Арзул приказал отпустить всех пленных, гордыня покинула сердце варвара. Когда раны Джутаро зажили и он уже уверенно мог держаться в седле, Арзул предложил ему вернуться на родину, но варвар отказался и испросил позволения остаться и увидеть Эонию своими глазами. Ему, как человеку молодому, хотелось испытать нечто новое, доселе неизведанное. Еще больше хотелось забыть о боли и печали, постигшей его столь внезапно. К тому же Джутаро давно и всерьез мечтал повидать мир, но возвращаться обратно он ни за что не хотел. Орвал и Зовар погибли, сражаясь за тех, кто так легко смог предать все те идеалы, в которые верили отец и дед, в которые продолжал верить сам Джутаро. Их народ изменился, стал слабее. Орвал и Зовар были сильными. Юный варвар искренне верил, что он один из тех немногих, кто сохранил в себе эту силу. И пусть он остался одинок, пока жив он, до тех пор будет жить истинный дух свободного варвара. В этом Джутаро, конечно же, не признался Арзулу. Хотя ему почему-то казалось, что король догадывался об истинных причинах нежелания Джутаро возвращаться к соплеменникам.

Вскоре северянин стал первым телохранителем короля. Джутаро оказался не только умелым воином, но и превосходным охотником и следопытом. Арзул был удивлен тому,

что варвар умеет читать и писать. Еще больше он удивился, когда узнал, что северянин говорит на языках соседних восточных и западных племен — некогда самых сильных соседей северных кланов, что были разбиты Арзулом в самом начале его военной кампании против варваров. Однако последнее и, казалось бы, самое невероятное, окончательно разрушило миф о примитивности варваров, и Джутаро живой пример этому — обладал магическими знаниями, которые он продемонстрировал королю Арзулу. Не раз южане становились свидетелями тому, как звери приходили на помощь варварам, как природа откликалась на зов своих детей. Цивилизованные южане, живущие в городах, знающие так много о других народах, посчитали бы это первобытным и диким волшебством, объяснимым с научной точки зрения учеными и магами Эонии, как низкий этап эволюционного развития, ставящий варваров практически на одну ступень с животными. Однако Арзул так больше не считал: король искренне уверовал в то, что способности и пылкий ум Джутаро со временем превратят юного варвара в выдающегося воина-чародея и он станет многим величественнее, чем просто воин или чародей, многим больше, чем варвар или человек.

Когда раны Джутаро окончательно зажили, Арзул приставил к нему нескольких чародеев и

волшебников из своей свиты: им было поручено обучать варвара до тех пор, пока они не придут в Эонию. Там Арзул намеревался сделать из гордого северянина настоящего аристократа и дворянина. И поскольку король не имел прямых наследников, втайне он питал надежду на то, что Джутаро согласится стать королем после его смерти. До поры до времени это должно было оставаться тайной, включая самого Джутаро, однако Арзул не видел причин, которые могли бы помешать этому случиться.

Стоит отметить, что не только Арзул восхищался Джутаро. Маги-учителя, предсказатели и лекари-философы — капризные и придирчивые седобородые старцы — были приятно удивлены и польщены тем, с какой жадностью варвар постигал все то, чему они его обучали. За эти несколько месяцев он изменился настолько, что, наверное, его собственные соплеменники не признали бы в нем прежнего Джутаро.

Однако же, нельзя сказать, что варвар совсем позабыл свои родные и суровые края. Порой он вспоминал детство и то время, когда были живы отец и дед. И тогда ему хотелось разозлиться и убежать, но он уже был не в силах испытывать ненависть к человеку, отнявшему у него семью: король Арзул сам стал для него семьей — его, в некотором роде, крестным отцом.

Вскоре они прибыли в Эонию. Оказалось, что столица Эонии, город Сераф, — захвачен. Началась война. Воины Арзула, закаленные в боях с варварами легко побеждали в битвах за освобождение столицы и всей страны от власти лжекороля. К тому же не все провинции добровольно приняли нового правителя, узурпировавшего власть. Когда весть о возвращении короля-завоевателя дошла до них, то верные Арзулу градоправители сделали все возможное, чтобы поддержать своего короля. К сожалению, Арзулу не было суждено победить в этой войне. Его соперник заручился поддержкой соседних королевств, которые были захвачены Арзулом задолго до похода на север, и втайне они лелеяли надежду отомстить своему сюзерену. Такая возможность представилась и упускать ее никто не собирался.

В итоге войска мятежного короля, гордо именуемые армией освободителей, были разгромлены; жителей провинций, выступивших на стороне бунтовщиков, ожидала ужасная участь оказаться на невольничьем рынке. Богатые граждане, купеческие гильдии и аристократы, вынужденные выплачивать непомерно высокие налоги, разорились, более удачливым удалось оставить Эонию в поисках лучшей судьбы в далеких и чужих странах. Победители

торжествовали. Предводителя мятежников прилюдно обезглавили, а его телохранитель-варвар стал рабом. Планы короля Арзула относительно Джутаро так и остались планами и, возможно, то, что о них ведал только он сам, и спасло юноше жизнь. Никто и подумать не мог, что дикарь с далекого севера смог заменить королю сына.

Джутаро надеялся, что по пути в Тетрадрамар, одну из самых отдаленных провинций Эонии, ему удастся сбежать без особых сложностей и препятствий. За то время, что он провел при дворе короля Арзула, он выучил язык южан. Воины и придворные короля стекались под знамена Арзула со всех ближних и дальних провинций Эонии, поэтому Джутаро познакомился и с особенностями чужой речи, непохожей ни на один из языков его народа.

Юный варвар верил, что все располагало к успешному побегу. Каково же было удивление Джутаро, когда оказалось, что их повезут по морю! Однако хуже всего оказалось то, что гребцы на галере были уже никуда не годны, поэтому надсмотрщики решили не терять времени даром и заковали в цепи рабов, которых и должны были везти на продажу. Тетрадрамар считался городом невольников, с самым большим невольничьим рынком, огромным количеством шахт и рудников, усиленными патрулями и с таким количеством

солдат, которые в случае бунта могли с легкостью подавить восстание рабов. Все это делало побег едва ли возможным, но об этом Джутаро еще предстояло узнать.

Судьба, казалось, не была лишена чувства иронии. Джутаро сам вез себя на продажу. Ничего не оставалось, как смириться и ждать момента, когда они доберутся до Тетрадрамара, а там уж он найдет способ осуществить задуманное. Впрочем, у судьбы были иные планы насчет Джутаро и эти планы сильно не совпадали с планами юного варвара.

Больше недели провел Джутаро на корабле гребцом. Плетки и бичи надсмотрщиков не жалели спины рабов. Даже когда поднялась буря, им пришлось грести изо всех сил. Джутаро искренне надеялся, что морская пучина поглотит этот ужасный корабль вместе со всеми этими негодьями. Сам же он надеялся, что в любом случае ему удастся избежать ужасной участи, на которую он в мыслях обрекал своих мучителей, но корабль оказался рассчитан на подобные капризы природы. Катапульты и баллисты были готовы отразить атаки и пиратов, и морских чудищ.

К концу второй недели этого морского путешествия они прибыли в порт Тетрадрамара.

Теперь Джугаро ожидало нечто новое. Поворот судьбы, которого он никак не ожидал. Ему, признаться, было невдомек, зачем его купила эта женщина или девушка. Варвар не особенно рассматривал таинственную госпожу. Мысли Джугаро были заняты прочими вещами: в то время как его судьбу решали двое других, чужих людей, отнимавших у него самое дорогое, что у него было — его свободу — он продумывал новый план побега. Убежать от этой на вид хрупкой и симпатичной госпожи представлялось несложным даже с этой цепью. Впрочем, Джугаро был приятно удивлен, когда его новая владелица проявила заботу о своем грязном и искалеченном рабе: она купила ему весьма приличную накидку, скрывающую его наготу. Джугаро вспомнил все до мельчайших подробностей.

Смерив варвара холодным взглядом, госпожа негромко произнесла:

— Ну и досталось же тебе. Похоже, что они тебя не жалели. Но ты крепкий, варвар. Переживешь и не такое, — она сделала особое ударение на слове «варвар», как будто это слово имело больше смысла и значения, чем то, которое люди обычные обычно вкладывали в него, называя так человека, принадлежащего к народам варваров.

Если бы кто-нибудь наблюдал за ними со стороны и если бы это был человек образованный, то он бы с уверенностью мог заявить, что слово «варвар» прозвучало так, словно оно было равноценным слову «король» или даже скорее — «избранный». Однако же никто не обратил внимания на сказанное и уж тем более на то, как это было сказано. Кого собственно могло интересовать, как хозяйка обращалась к своему рабу?

Джугаро не собирался отвечать, но и не было похоже, чтобы госпожа ожидала каких-либо комментариев от своего раба. Затем они подошли к торговцу тканями и одеждой.

— Эй, любезный! — обратилась она к торговцу слегка повелительным и не терпящим возражений тоном. — Есть ли у вас что-нибудь подходящее для моего раба?

Торговец снисходительно улыбнулся, но предложил весьма просторную и приятную накидку. Как только Джугаро буквально закутали в красные одеяния, он ощутил, что солнце больше не жжет его с такой силой. Хотя его тело уже успело стать бронзовым от загара.

Они отправились дальше. Встречные и проходящие мимо люди уже меньше обращали внимания на него и на его новую владелицу. Джугаро отметил про себя, что со стороны это выглядело, наверное, очень смешно — видеть, как

совершенно голый мужчина, пусть даже и вновь приобретенный раб идет следом за госпожой в роскошных одеждах, но никто почему-то не осмеливался смеяться и тыкать в них пальцами. Возможно, его новая владелица была известна настолько, что с ней предпочитали не связываться, а становиться свидетелем ее странных капризов могло оказаться весьма опасно.

Теперь Джутаро надеялся, что его, возможно, вскоре накормят или хотя бы позволят утолить жажду. Хотя с его ног сняли цепи, что значительно облегчало продвижение, все же магические кандалы на руках были невероятно тяжелы, а потому Джутаро надеялся, что идти придется недалеко, поскольку тянуть за собой эту тяжесть становилось все труднее. Однако его ожиданиям не суждено было оправдаться. Во всяком случае, не так скоро, как он надеялся.

Варвар готов был поклясться, что это безумие никогда не кончится. Несмотря на усталость, голод и жажду, даже тяжесть цепи, которая, казалось, вот-вот заставит его рухнуть на грязную и пыльную дорогу, все это уступало тому безумию под названием невольничий рынок, который они к счастью уже оставили позади. Что могло быть ужаснее этой вони и беспомощных, искалеченных голых тел рабов? Джутаро, однако, удивился тому, как раньше не замечал этого. Неужто там, где он

стоял, этой самой вони было меньше? Нет, дело было в другом. Теперь Джутаро был одет, и это значительно отличало его от тех рабов, которым повезло меньше, чем ему. Впрочем, он еще не был до конца уверен в том, что ему действительно повезло.

Их путь лежал через ряды ничем не примечательных базаров и того, что торгаши навязчиво пытались продать проходящим мимо людям. Рядом с колодцами молодые девушки смеялись, рассказывая веселые истории, ожидая, когда подойдет их очередь набирать воду. Дети шныряли под ногами. И то тут, то там слышалась мужская ругань и крики женщин, когда свора детей гналась за щенком или котенком, а то и за кем-то из своей банды озорников.

Туда-сюда сновали покупатели, а за ними следовали их рабы, неся в руках корзины с приобретенным товаром. Мужчины сидели в дверях своих тростниковых хижин, занимаясь своим промыслом. Лентяи отдыхали в тени пальм. Местами встречались богатые лавки, продавцы и хозяева которых предлагали практичный и весьма добротный товар — посуду, еду, ткани. Кузнецы корпели над своими печами, с усердием выбивая разнообразный инвентарь: от кухонной утвари и до наконечников копий и стрел, ножей, предназначенных не только для разделки мяса и

резанья хлеба.

Раскаленное солнце палило над всеми — над рабами и над их хозяевами, над покупателями и продавцами, бедными и богатыми, нищими и убогими, в роскошных одеждах и оборванцами в лохмотьях, жителями города и приезжими. Город кипел, как ведьмовское варево в котле, обливаясь потом, заливаясь смехом и пошлым весельем, изнывая от скуки, убожества, грязи, которые преумножал каждую минуту своего существования.

Варвар и его госпожа медленно приближались к городским воротам. Значит, его владелица жила не в самом городе. Тогда интересно — где? Джутаро решил пока повременить с побегом, надеясь, что, возможно, худшее уже позади. Быть может, судьба снова улыбнулась ему?

По мере приближения к городским воротам Джутаро не единожды посетило знакомое ощущение надвигающейся опасности. Оглянувшись так, чтобы никто ничего не заподозрил, он, однако же, не заметил ничего подозрительного. И все же Джутаро привык доверять своей интуиции. Не зря варваров почитали за зверей: их инстинкты и чутье были сродни животным. Джутаро сосредоточился. Охотничий азарт просыпался в его сознании, отодвигая упрямую боль и металлическую усталость пережитого. Спиной варвар ощутил несколько свирепых взглядов в то самое мгновение,

когда они покидали город. Что ж, у ворот никто не осмелится нападать на них. На время это обнадеживало, давало время обдумать и тщательно спланировать свои действия. К тому же не он был нужен грабителям. Их целью была таинственная незнакомка, одиноко путешествующая и покупающая рабов-северян. Да уж, не стоило так откровенно привлекать к себе внимание.

Варвар и дикарь, а еще — животное. Такими словами работорговец описывал Джутаро перед покупателями. Вещь, а не человек, которую можно продать, когда вздумается, обращаться, как вздумается. Джутаро презирал их за это, как воин. Варвар сражался за свой народ и был предан своими же соплеменниками, он сражался за чужую страну и чужой народ, что также предал его и сделал рабом. Но он жил согласно воинскому кодексу чести и не собирался изменять ему и теперь. Джутаро сжал свою цепь. Возможно магия, заключенная в его оковах, поможет ему? Конечно же, было бы глупо надеяться на то, что грабители оставят их в живых, но он боялся не за себя.

Варвар устремил свой взор в идущую впереди него девушку. Она ни разу не обернулась, чтобы убедиться — здесь ли он, или, быть может, уже скрылся в неизвестном направлении, оставив ее одну. Ее столь беспечное поведение немного раздражало Джутаро. Неужели она надеялась, что

ее ошеломляющий взгляд спасет их от ножа грабителя? Это могло подействовать на одного, но не на всех сразу. К тому же работорговец был падальщиком, а их преследователи относились к числу кровожадных и жестоких хищников, для которых убийство было потехой, забавой, которой они предавались всецело. Чужие страдания доставляли им наслаждение куда большее, чем награбленное и отобранное у несчастных одиноких путников, вроде них. Грабители так же, как и воры, и попрошайки являлись болезнью общества, бороться с которой было бессмысленно. И чем больше богатели жители города, тем сильнее обострялись симптомы надвигающейся бури, а городской страже все тяжелее удавалось подавлять очаги проявляющейся болезни, что словно опухоль разрасталась, грозя поразить всех, трансформировать в постоянно агонизирующее и болящее целое.

Не обернувшись больше ни разу, Джугаро уже отчетливо чувствовал дыхание смерти, приближающейся к ним все более уверенно. Злобные взгляды грабителей становились все ощутимее. Варвар знал, что первый удар предназначен ему. Злодеи явно не рассчитывали, что раб, к тому же закованный в цепи, осмелится угрожать их намерениям заполучить желаемое. «Что ж, тем хуже для вас. Опасно недооценивать

противника», — мысленно отметил про себя Джутаро.

Преследователи и преследуемые уже были достаточно далеко, чтобы кто-либо из городской стражи смог услышать крики о помощи или мольбы о пощаде. К тому же его госпожа выбрала далеко не самое лучшее, как казалось Джутаро, направление. Им уже давно не встречались проходящие мимо люди, всадники, спешащие в город со срочными поручениями, а также ослы и волы, впряженные в повозки и безжалостно подгоняемые хозяевами, изнывающими от жары и мух. Выбранная дорога уходила в густую рощу, рядом протекала река, которая, судя по всему, имела множество ответвлений, как глубоких, так и не очень. Вдалеке виднелись водяные мельницы и там работали люди, но, увлеченные своим трудом, они вряд ли обращали внимание на что-то, кроме своего собственного занятия.

Когда варвар и его госпожа вошли в рощу, а за их спинами сомкнулись первые стволы деревьев, Джутаро понял, что они обречены. Здесь толку от его цепи будет мало. Деревья росли слишком часто, оставляя лишь узкие тропинки, тогда как для грабителей, вооруженных ножами и прочими подходящими для их профессии орудиями, разделаться с ними была пара пустяков. Впрочем, это отнюдь не означало, что Джутаро собирался

сдаваться без боя, но тут незнакомка внезапно заговорила.

— Ты их почувствовал. Хорошо! Я же чувствую, как в твоих жилах закипает кровь. Умерь свой пыл. Тебе еще предстоят схватки более великие, чем та, которой заняты твои мысли. Для этих убогих смерть от твоей руки станет куда более достойной, чем та, что уготована им судьбой. Продолжай следовать за мной, как и прежде. Ты был достаточно смел, чтобы довериться судьбе. Окажи мне такую честь и доверься моим словам.

Сказав это, таинственная незнакомка вытянула вперед руку ладонью вверх. В то же самое мгновение в ее руке засветилась сфера белого огня, которая тут же приобрела очертания бабочки невероятных размеров, которая, взмахнув своими крыльями, поплыла вперед. Затем, отдалившись от варвара и госпожи на некоторое расстояние, бабочка, продолжая расти, вновь приняла форму сферы, что смогла бы уместить их обоих внутри себя. Теперь вокруг сферы сотнями кружили миниатюрные бабочки ярко оранжевого цвета, вроде той, которая появилась из руки таинственной незнакомки.

Несомненно, это было что-то вроде магического портала. Джутаро доводилось слышать об этих волшебных коридорах, благодаря которым волшебники и чародеи путешествовали со

скоростью мысли. Теперь же он лицезрел это удивительнейшее из магических явлений собственными глазами, удивляясь тому, как неверие и незнание, оказывается, совершенно не влияют на существование тех или иных вещей. Он мог не знать, мог не верить или не понимать, но ЭТО существовало независимо от него и не менялось никогда. А если и менялось, то те, кто влиял на эти вещи, оставались неизвестны большому миру, пребывая в мире мира маленького. Их могущество, распространявшееся на все и вся, везде и всегда, превосходило понимание обыкновенного смертного.

Казалось, миниатюрные бабочки коснулись своими малюсенькими крылышками внешней оболочки сферы, словно тончайшего шелка, и пелена спала, образовав проход. Таинственная госпожа вошла в эту мистическую дверь, оказавшись внутри самой сферы. Она обернулась и посмотрела на Джутаро. Теперь варвар отчетливо видел ее лицо. Джутаро вдруг осознал, что так сильно напугало работорговца. И хотя в таинственной чародейке, а она, несомненно, являлась таковой, не было ничего страшного и ужасного — скорее наоборот, ее взгляд излучал такую силу и такой необъяснимый и неестественный холод, проникающий в самые глубины души, что тот, на кого был обращен этот

взгляд, ощущал всю ничтожность собственного существования, всю беспомощность перед этой хрупкой, на первый взгляд, девушкой.

Чародейка щелкнула пальцами и магические оковы ослабили хватку на руках Джутаро и упали на землю, издав глухой протяжный звон. На руках красовались ужасные ссадины, кровь запеклась, но варвар ощущал такую легкость, такую свободу, которую прежде еще никогда не испытывал. Иначе и быть не могло. Рожденный свободным, Джутаро знал, что утратил, а потому ничего не желал с такой силой. Теперь он знал истинную цену свободе и глубоко сожалел о тех, кто так никогда и не испытает этого восхитительного чувства.

Приятно улыбнувшись, девушка догадалась о том, какие мысли роятся в голове варвара, а также потому, что Джутаро открыл рот от удивления, а его глаза еще больше округлились, и сейчас он выглядел так, что, по меньшей мере, мог вызвать снисходительную улыбку даже у самых воспитанных господ. Несомненно, его госпожа была воспитанной: ведь она была чародейкой!

— Удивляться будешь потом. Поспеши! Или же ты хочешь познакомиться поближе с головорезами Тетрадрамара? — голос чародейки прозвучал весьма убедительно и привел Джутаро в чувства.

Тряхнув головой, словно пришпоренный

жеребец, и преодолев свой первобытный страх, юный варвар сделал шаг навстречу своей судьбе. Но что же ожидало его там?

Вскоре пятеро преследователей появились на том самом месте, где только что стояли Джутаро и таинственная незнакомка, оказавшаяся чародейкой. Грабители ворвались в рощу, словно стадо разъяренных буйволов. Вожак склонился над цепями. Чертыхнувшись, жестами он приказал своим людям обыскать рощу. Этому человеку не приходилось видеть магические порталы, он даже не знал о существовании подобных вещей.

Глава 2

Оборотень вернулся из мира грез и воспоминаний в настоящее. Удивительно, как быстро пролетело время. Костер едва дымился, а воздух медленно наполнялся предутренней свежестью. Лошади, привязанные неподалеку, тихонько ржали, жуя сочную траву. Удивительно, как эти существа все-таки свыклись с тем, что рядом с ними мирно дремал волк Аркала. Впрочем, животные легко находили общий язык и понимание, в то время как те, кто почитал себя разумными существами, грыз глотку всем подряд.

Место для ночлега было выбрано как нельзя удачно. Внезапно оборотень ощутил присутствие

магии, несвойственной этим местам. Древние колдовские силы дремали глубоко в недрах этого леса и чтобы пробудить их, нужно было нечто весьма могущественное и чуждое этим местам.

Сжавшись в комок, он прыгнул вверх на огромный сук, способный выдержать его вес. Прыжок оказался идеален настолько, что даже не потревожил птиц, еще спавших в своих гнездах, а листья, упавшие с дерева легко и плавно, были коричневато-золотистыми. Приближалась осень. Лишь только Зару поднял голову и посмотрел на оборотня. Их взгляды встретились. Волк понял, что повода для беспокойства нет и продолжил спокойно дремать.

Совершив невероятный прыжок вперед, оборотень рассек густые чащи деревьев и кустов, чьи ветви и листья бесшумно заскользили вдоль его тела. словно из морской пучины, из густых зарослей вынырнул черный великан, не нарушив покоя понемногу пробуждающегося леса, и приземлился на все четыре мощные лапы. Затем продолжил перемещаться гигантскими прыжками, то прижимаясь к стволам деревьев, то отскакивая от них, словно пружина.

Черный великан следовал за волшебным светлячком, который, казалось, спасался бегством от огромного хищника, которого он, светлячок, имел неосторожность побеспокоить. Оборотень

преследовал свою жертву, преодолевая лесные чащи с их многочисленными опасностями, и углубляясь все дальше и дальше туда, куда не осмеливались проникнуть даже коренные обитатели этого древнего бора.

Вскоре светлячок остановился, будто дразня своего преследователя, но когда оборотень бесшумно приземлился рядом, светлячок не сдвинулся и на миллиметр, продолжая спокойно парить в воздухе, сияя и благоухая, будто цветок над маленьким озерцом, в котором плескались серебристые рыбки.

Когда черный великан оказался у самого края берега озера, многовековые дубы, окружавшие полянку, затрясли своими густыми коричневато-бурыми гривами, а их ветвистые могучие стволы образовали плотный частокол вокруг него.

Оборотень поднялся на задние лапы и ступил в воду. Озерцо могло позволить человеку или невысокому эльфу скрыться с головой, но ему вода едва ли доставала до пояса. Приблизившись к светящейся сфере, он вытянул вперед свою огромную мохнатую лапу, похожую на человеческую руку ладонью вверх. Светлячок плавно, словно падающий лист, опустился, ничуть не опасаясь острых, словно сабли когтей. В то самое мгновение, как светлячок коснулся лапы

оборотня, оба они оказались на обратной стороне поверхности озера. Явление поистине фантастическое! Однако что же это было? Параллельный мир? Вход в другое измерение? Или же один из порталов, соединяющих два конца света?

История вторая

1

Джугаро вошел в портал, следуя за таинственной незнакомкой, купившей его среди бесчисленного множества других рабов. Подгоняемый преследователями, Джугаро думал о том, что не совершает ли он глупость, следуя за таинственной незнакомкой? И хотя времени на раздумья и вовсе не оставалось, варвар не был уверен в том, что встреча с грабителями была куда более опасной, чем та неизвестность, навстречу которой он шел. В голове Джугаро мысли, словно рой пчел, сменяли одна другую: «Почему он? Что в нем было такого, что отличало его от всех остальных? Кто она? И что ей нужно?»

Однако все эти мысли в мгновение ока испарились, когда он очутился внутри сферы. На мгновение ему показалось, что вокруг него кругом

порхают только бабочки. Но и через мгновение это ощущение не ушло. Яркий свет продолжал струиться отовсюду, или скорее сами бабочки были тому причиной. Причудливые создания облепили его целиком, вначале напугав Джутаро, но страх тотчас же отступил, когда варвар почувствовал, как растворяется в бабочках, будто каждая из них вбирала в себя частичку Джутаро и уносила в какой-то ей одной или вернее им одним известное место. Джутаро чувствовал как его тело парит в невесомости: варвар воспринимал мир десятками миниатюрных волшебных созданий, что проносились над лесами и горами, реками и озерами, континентами и островами, что раскинулись посреди бескрайних морей и океанов. Джутаро никогда не был так далеко от земли и так близко к облакам и солнцу. Даже во сне, когда он был совсем мальчишкой, ничего подобного и восхитительного он не переживал в своих детских сновидениях.

Их незабываемое путешествие закончилось. Когда Джутаро снова почувствовал под ногами землю, то не поверил тому, что только что произошло. Однако место, в которое их перенесло волшебство таинственной чародейки, несравнимо отличалось от того, где они были еще... Сколько же времени прошло? Сколько занял этот...? перелет?...Это... перемещение? От пережитого у

Джугаро кружилась голова. Варвару вдруг показалось, что в его голове звучат те оптимистические аккорды, чей прекрасный звук он так хотел услышать, потерявшись среди отчужденности, безразличия и страдания. От этой божественной музыки ему стало так хорошо и тепло, как никогда прежде. Джугаро даже не понял, как теряет сознание. Кто-то невидимый подхватил его и бережно уложил на мягкую и густую траву. Сквозь сон варвар чувствовал сладкий аромат полевых цветов, согретых теплым летним воздухом. Солнце же касалось лица Джугаро своими ласковыми лучами, словно руками матери, что наконец нашла свое дитя.

Чародейка склонилась над варваром и, нежно коснувшись рукой его лица, тяжело и печально вздохнула:

— Что ж, это не удивительно после всего, что ты пережил, Джугаро.

2

Когда Джугаро пришел в себя, он даже не сразу вспомнил, что с ним произошло. Ему на мгновение показалось, что все это было лишь сном. Кошмаром с не вполне понятным исходом. Так что варвар не знал, то ли ему огорчаться, то ли радоваться. Если радоваться, то чему, а если

огорчаться — то куда уж больше? Воспоминания мгновенно вернулись, когда он увидел сидящую неподалеку девушку.

Джугаро мгновенно поднялся на ноги. Даже можно было сказать — вскочил и снова удивился тому, как легко у него это получилось: ни голова, ни тело, ничто ни внутри, ни снаружи не болело, будто его не били и не истязали несколько дней кряду. Наоборот, его тело было полно сил и энергии, как никогда прежде. Лишь только голод и жажда мучили его.

Зажмурившись, он коснулся пальцами правой руки левого плеча. От удивления он сначала затаил дыхание, а потом радостно вскрикнул. Он распахнул веки и с дикой от радости гримасой на лице начал осматривать свое плечо — гладкое, не изуродованное меткой раба.

Его таинственная спасительница, а никак иначе Джугаро не мог ее назвать, повернулась и тоже улыбнулась, жестом указав, чтобы он подошел. Уже без тени страха или недоверия Джугаро присел у костра, который чародейка развела, пока он спал. Варвар давно понял, что перед ним могущественная волшебница или колдунья, владеющая сверхъестественными способностями и непостижимыми для него магическими талантами. Дед Джугаро не раз рассказывал ему истории о магах и магичках,

поэтому весьма разумно было бы поблагодарить таинственную госпожу за спасение и исцеление, а также представиться. Джутаро склонил голову, прижав правую ладонь к груди. Затем он не спеша и со всей вежливостью, на какую только был способен юный варвар, воспитывавшийся при дворе короля Арзула, произнес.

— Благородная госпожа, прими мою благодарность за все, что ты сделала для меня. Мое имя Джутаро.

Сказав это, он не сразу поднял голову, ожидая, пока чародейка не скажет ему что-нибудь в ответ. Однако ответа не последовало, поэтому Джутаро неуверенно приподнял свою лохматую голову с длинной гривой нечесаных черных волос, надеясь, что он никоим образом не оскорбил таинственную незнакомку. Глядя немного исподлобья, он скорее казался смешным, чем напуганным. Когда их взгляды встретились, Джутаро увидел, что его госпожа улыбается. Все в ней буквально светилось. Облегчено вздохнув, он тоже улыбнулся. Ничто не напоминало ему о том надменном и холодном взгляде, которым она щедро одаривала работоторговца.

— Я рада, Джутаро, что ты наконец-то пришел в себя, — у его госпожи был нежный и приятный голос, совсем не такой, каким прежде она обращалась к нему. Ему вдруг показалось, что тогда

виной тому была непростая ситуация. Сразу вспомнилась роща, грабители, преследовавшие их. Возможно, было что-то еще, о чем он совершенно не подозревал.

— Ты голоден, Джутаро? Поешь. У нас еще будет время насладиться беседой, — ее голос звучал так, словно убаюкивал. Рядом с ней Джутаро не ощущал ни беспокойства, ни волнения, ни страха. Он совершенно не знал ее, но она не казалась ему чужой.

В руке его таинственной госпожи появился кувшин, а перед нею — две чаши, которые она мгновенно наполнила вином. Его аромат Джутаро мгновенно ощутил. Арзул научил его разбираться в винах, как и во многом другом. Вслед за вином появилась и еда — фрукты, мясо и блюда, которые Джутаро никогда не пробовал раньше.

Пока он ел и пил, за ним внимательно наблюдали. Хотя Джутаро с радостью набросился бы на еду и питье и проглотил бы все мигом, Арзул отточил манеры юного варвара, привитые еще отцом и дедом. Джутаро незаметно вновь окунулся в воспоминания. Это были воспоминания из далекого детства. Те самые, когда отец и дед были живы, и они жили втроем в самом сердце прекрасного мира среди свободных людей, почитавших свой суровый край. Возможно они были диким народом — не таким, как другие люди,

но они чтили и оберегали священный мир, что даровали им их варварские боги.

3

— Джутаро, сколько раз тебе говорить — не разбрасывай руки, словно курица крылья. Так ты быстро получишь в нос и проиграешь схватку, — недовольно пробурчал отец Джутаро.

— Полегче с ним, Зовар. Ты слишком требователен. Он же еще совсем мал, — дед Джутаро поднялся и подошел к обоим — сыну и внуку. — Вам обоим следует научиться терпению.

— Будешь учить меня воспитывать сына? — недовольно проворчал отец Джутаро, могучий кузнец и лучший воин их деревни.

Старик от души рассмеялся:

— Конечно, буду! Тебя еще самого воспитывать, Зовар.

Окончательно раздосадованный, Зовар махнул рукой и направился в кузницу, бормоча себе под нос, что во всем виноват Орвал, который обращался с внуком, словно тот — девчонка. Маленький Джутаро готов был расплакаться и хлюпал носом. Старик опустил перед ним на колени и, вытерев выступившие слезы обиды, ласково потрепал внука по голове.

— Эй, малыш, хватит. Ты это чего? Не надо

расстраиваться. Папа не хотел тебя обидеть, он просто слишком любит тебя и хочет, чтобы ты был сильным и бесстрашным. Просто он уж такой... Понимаешь?

— Он меня не любит, — с детской обидой в голосе произнес Джутаро. — Я его ненавижу, — с этими словами Джутаро окончательно разревелся и убежал.

Старик не стал останавливать внука. Варвары жестоко воспитывали своих детей — как дочерей, так и сыновей, но временами старику казалось, что его сын перегибает палку. Он догадывался о причинах, но никогда не спрашивал сына об этом, потому что Зовар молчал. И не потому, что не хотел говорить, а потому что так было лучше. Для всех.

Когда Зовар после нескольких лет странствий наконец-то вернулся с младенцем на руках, старик понял, что это знак свыше. Орвал уже не надеялся увидеть Зовара, а тот вернулся вместе с сыном, которому уже успел дать имя. Отец не спрашивал сына, почему он один и где мать ребенка. Он знал, что Зовар скажет сам, если пожелает. Зовар же вернулся к простой оседлой жизни и работе в кузнице — своему любимому занятию. Работать приходилось много, но очень скоро их кузница начала снабжать всем необходимым и соседние деревни. Впрочем, Зовар так и не женился.

Старик заменил Джутаро мать. Едва тот начал

говорить, Орвал начал обучать мальчика грамоте и чтению. Он познакомил внука с силами природы, когда понял, что в нем скрыт магический дар. К сожалению, старик не мог дать ему слишком много, но старался изо всех сил. Когда Джутаро пошел пятый год, Зовар посчитал, что сыну пора познакомиться с теми вещами, которые делают мальчика мужчиной. Эти уроки частенько оканчивались слезами Джутаро.

В этот раз все было точно так же. Старик знал, что сын хочет как лучше. Впрочем, лучше не означало правильно. Нужно было как следует поговорить с Зоваром. Когда-то старик обучил сына кузнечному мастерству, а теперь сын превзошел в этом умении отца. Только Зовар еще пока не понимал, что воспитывать детей это такое же искусство, как ковать хорошие мечи и топоры. Следовало дать понять Зовару, что свой самый главный меч он выкует не в кузнице.

Старик вскоре нашел мальчика.

— Джутаро, — обратился он к внуку. — Ты забрался высоко, — одобрительно подмигнув ему, старик продолжил. — Никогда не думал, почему?

Мальчуган сердито посмотрел на деда, но ничего не ответил и отвернулся. Его печальный взгляд был устремлен туда, где солнце прощалось с миром на целую ночь. Глаза Джутаро, красные от слез и еще мокрые, говорили о том, что плакал он

долго. Однако слезы прекратили литься сами по себе, а быть может потому, что и солнце ночью прекращает светить и мрак опускается на землю, чтобы наутро вчерашняя грусть ушла, оставив лишь печальное воспоминание о том, что ушло и по-другому, наверное, быть просто не могло.

Орвал давно заметил, что Джутаро не похож на остальных детей их деревни. Он часто думал о том, кто же на самом деле мать Джутаро? Что за женщина могла родить такое необычное дитя? Старик посмотрел на заплаканное лицо внука. В глазах Джутаро, казалось, собралось столько печали и гнева одновременно, что Орвалу даже стало на мгновение не по себе от этого взгляда. Не мог ребенок смотреть так! Не могло во взгляде мальчика быть столько силы и печали одновременно, столько слабости и вместе с тем внезапной решительности, что заставила его, человека повидавшего виды, дрогнуть под этим взглядом.

— Все еще сердисься. В нашем мире много зла, грусти и печали, — старик печально вздохнул. — Да, это так. Но это до тех пор, пока они в тебе самом. Хочешь, я кое-что покажу тебе, Джутаро?

Мальчик с любопытством повернулся к деду и уставился на него в ожидании фокуса или волшебства. То, что мгновение назад Орвалу

удалось разглядеть во взгляде внука, исчезло, уйдя в тень и уступив детскому сознанию. Мудрому и старому варвару хорошо были известны светлые и темные принципы этого мира, принципы, осознав которые можно было управлять миром внутри себя и вокруг себя. Тем не менее, Орвалу не доводилось прежде встречать кого бы то ни было еще, в ком и свет и тьма проявлялись с такой силой и настойчивостью. Наверняка это объяснялось тем, что в Джутаро была очень сильна кровь его матери. В этом мире зло и добро шли рука об руку, существовали вещи прекрасные и вещи отвратительные. Джутаро всегда будет очень нелегко, когда перед ним будет предстать выбор между светом и тьмой внутри себя, и хаосом и гармонией вокруг него. Орвал знал, что его внук сможет сделать выбор и жить с последствиями своего решения.

— Подойди.

Джутаро послушно подошел к старику. — Ты должен довериться мне. То, что я тебе покажу должно остаться секретом. Договорились?

Мальчик молча кивнул. То, что Орвал показал внуку, навеки осталось в памяти Джутаро. Это был самый дорогой подарок. Старик научил Джутаро видеть так, как не видел ни один смертный.

Завязав глаза внуку, Орвал взял его за руку и повел. Все это время они шли молча. Так, старик

водил Джутаро за руку много месяцев. Каждый раз они шли в одном и том же направлении. Но ни разу, во время их пеших прогулок, старик не произнес ни слова, однако своим молчанием сказал достаточно.

Когда Джутаро исполнилось одиннадцать лет, старик отпустил его руку. Пришло время Джутаро продемонстрировать то, чему он научился. Путь был опасным, но Орвал ни разу не обернулся. Лишь когда он поднялся на вершину горы, на которую он водил внука все эти годы, только тогда Орвал позволил себе обернуться. Мальчик стоял за его спиной с повязкой на глазах. Старик облегченно вздохнул.

— Теперь ты можешь снять ее, Джутаро.

— Зачем? — искренне удивился Джутаро. — Я вижу. Я вижу, как это прекрасно, дедушка! Спасибо тебе.

Старик упал на колени перед внуком и обнял его. Слезы текли по его старческому лицу, усеянному морщинами. Весь остаток дня они провели на вершине самой высокой горы их дикого и сурового края. Теперь старик уже не сомневался в том, что в мальчике заключена сила, которой ни ему, ни Зовару не суждено понять никогда. Вернулись домой они очень поздно.

Прошло еще несколько лет. Каждый день задолго до рассвета Джутаро поднимался, пока отец и дед спали, и шел той самой тропой, которую он

когда-то прошел с завязанными глазами. Как и всегда на его глазах была повязка.

Любой другой молодой человек его возраста никогда бы не осмелился подняться на эту вершину, к тому же с завязанными глазами, но Джутаро увидел этот мир иначе, разглядев его внутреннюю красоту, скрытую и недоступную взорам большинства. Опьяненный увиденным и пережитым, Джутаро пристрастился к этим будоражащим сознание испытаниям. Маленький варвар запомнил, что зла, грусти и печали в мире столько же, сколько и в нем самом. Мир был полон опасностей до тех пор, пока он боялся его. Когда страх ушел, мир преподнес Джутаро в подарок свою защиту. Большого и не требовалось.

Однажды, когда Джутаро в который раз поднимался на вершину, огромная птица набросилась на него. По-видимому, где-то неподалеку было ее гнездо и она почуяла хищника. Приняв Джутаро за врага, она бросилась на него, отчаянно защищая своих птенцов. Юный варвар никак не ожидал подобного и, сделав неуверенный шаг в сторону, понял, что это последний шаг в его жизни. Он даже не успел испугаться, но чья-то крепкая рука успела схватить его руку. Порыв ветра сорвал с глаз повязку и Джутаро увидел, что его падению и неминуемой гибели помешал Зовар. Отец успел вовремя. Сильные руки Зовара

вытащили сына.

— Неплохо, Джутаро. Но тебе следует быть осторожнее, — глянув вниз, Зовар присвистнул. — Да уж, высокогато будет. Что ж, пора добавить к твоим тренировкам практичности.

Вдвоем они поднялись на вершину горы.

— Я давненько наблюдаю за твоими походами на эту вершину. Признаться, когда старик рассказал мне об этом, я чуть было не придушил его, — Зовар ухмыльнулся, но Джутаро разглядел во взгляде отца тревогу. Тогда впервые он понял, что не безразличен ему. Зовар был груб с ним не потому, что не любил его, а потому, что жизнь была с ним самим таковой. Джутаро мысленно пообещал больше никогда ни в чем не винить и не упрекать отца.

— Место как раз подходящее, — Зовар довольно осмотрелся. Только теперь Джутаро заметил, что Зовар нес в руках две толстые палки — заготовки для копий. Его кисть легко обхватывала два древка, в то время как любой воин их клана смог бы удержать только одно.

Этими двумя палками он мгновенно нанес удар Джутаро в живот, а затем ударил его по ногам. Джутаро потерял равновесие и упал. В глазах мир перевернулся с ног на голову. Тяжело дыша и на четвереньках, он задрал голову и посмотрел на отца.

— Вставай! И покажи, чему старик научил тебя за эти годы, кроме чтения, письма и фокусов, которые он называет магией, — в глазах Зовара горел холодный огонь сильного и опытного воина. Джутаро в свои шестнадцать лет уже довольно рослый и сильный, ежедневно помогал отцу в кузнице. Он легко управлялся с молотом и другими приспособлениями дляковки. Телосложением он еще пока уступал отцу, но ростом превосходил его почти на голову. Вскоре они сошлись в поединке. Единственный недостаток Джутаро заключался в отсутствие опыта, а потому Зовар остался доволен.

— Хорошо, а теперь надень-ка, — Зовар протянул Джутаро кусок материи, что должна была заменить юному варвару повязку, которую он потерял. — Посмотрим, чему ЭТО тебя научило.

Так прошло еще несколько лет упорных тренировок и тяжелой работы в кузнице с отцом. Все меньше оставалось времени на учебу, но старик, казалось, поменялся ролями с отцом, стал требовательным и придирчивым.

— Стареет, — как-то сказал Зовар, печально улыбнувшись, но Джутаро знал, что от него требуют много, потому что он был способен на многое, а потому старался изо всех сил. Их семья была маленьким, но дружным кланом внутри одного большого клана своих соплеменников. Чем больше Джутаро узнавал от деда и отца, тем

больше он понимал, сколь многому ему еще предстоит научиться. Джутаро еще не исполнилось и девятнадцати лет, когда вспыхнула очередная вражда между кланами. Так юный варвар познакомился с ужасами войны, испытал горечь потери друзей детства и в который раз осознал, что какими бы требовательными не казались отец и дед в своих наставлениях, жизнь продолжала оставаться намного жестче и требовательнее и не прощала промахов.

Война сильно изменила Джутаро. Борьба за власть вождей продемонстрировала юному варвару все темные стороны человеческой души. В одном из таких бессмысленных сражений погибла невеста Джутаро. Его избранница принадлежала к древнему клану воительниц, а потому до замужества женщины сражались наравне с мужчинами. Она умерла у него на руках. После этого Джутаро искал смерти. Там где битва напоминала ад, появлялся и Джутаро, словно сам он был дьяволом, беспощадным богом войны в теле варвара. И все же смерть не спешила взимать дань с безумца. Как и все в этой жизни, даже самые кровавые и долгие войны заканчиваются, и на смену печали приходит новая надежда. А тот, кто не лишен надежды, обречен познать счастье.

Насколько затянулось его путешествие в прошлое, Джутаро не мог сказать, но оно накрыло его, будто волна, и принесло множество воспоминаний. Он застыл с чашей в руке, поднеся ее к губам, не отрывая взгляда от пламени костра, словно сам огонь рисовал ему картины его прошлого. Он даже ни разу не моргнул, а таинственная госпожа не смела побеспокоить его. Она внимательно смотрела на варвара и все так же лучезарно улыбалась.

Джутаро посмотрел на нее. Солнце заходило, а его прощальные багряные лучи касались ее золотисто-рыжих волос и от этого они полыхали ярче пламени костра, словно огонь феникса. Ее глаза были двумя бездонными морями зеленых вод. Длинные, пушистые ресницы и алые губы.

Прошло еще несколько минут. Варвар и чародейка продолжали внимательно изучать друг друга. Джутаро отметил, что она была чудесно сложена, у нее была прекрасная фигура, гладкая кожа. Ее черты лица, нежные и правильные одновременно были ему очень даже знакомы, но варвар точно знал, что прежде никогда не встречал ее. И все же она напоминала ему кого-то. Чародейка все так же загадочно смотрела на него. Возможно, что он сам ей кого-то напоминал? Джутаро гадал,

зачем он ей, а также о том, что судьба столь непредсказуема. Затем чародейка заговорила, нарушив их безмолвные размышления:

— Отец. Каким он был? — спокойно спросила она у Джутаро, будто спрашивала о старом знакомом, которого давно не видела.

Джутаро сощурился. Его удивило не столько то, что она спрашивала о его отце, а то, как она спрашивала. Чародейка догадалась, о чем он думает, а потому продолжила, видя, что Джутаро не спешит с ответом.

— Мое имя Касилия. Прости, я не представилась раньше, но, признаться, я немного взволнована, — она отвела взгляд в сторону и продолжила. — Наша мать, Джутаро, много рассказывала о нашем с тобой отце. Да, я согласна, это весьма неожиданно, узнать, что у тебя есть сестра и мать. Вернее, что они живы, — Касилия снова посмотрела на Джутаро в надежде на то, что он все-таки отреагирует на услышанное.

Джутаро чуть было не подавился вином, когда услышал это. В горле встал ком. Посмотрев на чародейку, варвар понял, что от него ждут ответа. Кроме того, что слова Касилии повергли его в смятение, еще одна вещь немного озадачивала его. И Джутаро это весьма удивило. Касилия сказала, что она взволнована. Варвар не мог себе представить по-настоящему взволнованную

чародейку, когда спокойствие и самообладание покидало ее. Проглотив вино, Джутаро глубоко вдохнул и выдохнул. Варвар решил, что честный и вежливый ответ станет лучшим выходом из сложившейся ситуации, что своей странностью теперь вызывала в нем противоречивые чувства к таинственной госпоже чародейке, называющей себя его сестрой. Но и не только это поразило Джутаро. О своей матери он никогда не думал, поскольку вовсе не знал ее. И вдруг такое!

— Прости. Я, наверное, ослышался или неправильно понял тебя. Или же, что вероятнее всего, ты меня с кем-то пугаешь, госпожа.

— Прошу тебя, Джутаро. Не называй меня так. Я понимаю, как это тяжело. Особенно, принимая во внимание все то, что тебе довелось пережить, — голос чародейки дрожал и Джутаро понял, что Касилия не врала, когда говорила о волнении. На мгновение варвару показалось, что все это сон. Наверное, он потерял сознание от голода, жажды и усталости. Он либо придет в себя на невольничьем рынке, либо его скормят экзотическим хищникам работорговца. Тогда все это безумие кончится. Как будто прочитав его мысли, Касилия ответила:

— Да, в некотором смысле ты прав. Все это похоже на безумие. Но наша жизнь и есть сплошное безумие. Совершенное в своем несовершенстве.

Чудесным образом из одного ужаса мне удалось тебя вырвать. Как ты верно заметил, я обладаю даром магии. Обычно мужчины лишены этих талантов или, не развившись в детстве, они затухают, передаваясь последующим поколениям. Но твой дед постарался, чтобы твой дар не угас.

Некоторое время они молчали. И снова первой нарушила молчание Касилия.

— Похоже, тебя не слишком обрадовала новость о том, что у тебя есть сестра и мать, — сейчас Джутаро готов был поклясться, что голос Касилии сорвется в истерический плач. Он заметил, как две слезинки соскользнули по ее щекам, но чародейка совладала с собой. Джутаро понял, что нужно ответить. Даже если то, что говорила прелестная чародейка, казалось ему полным бредом, то именно ей он был обязан своей свободой, чудесным исцелением, которое в любом другом случае потребовало бы недели или даже скорее месяцы. И теперь он сидел у ее костра, сытый и отдохнувший. Он начал не спеша, медленно, словно ребенок, которого учили читать.

— Я, госпожа, — Джутаро вспомнил о том, что чародейка просила обращаться к ней по имени, а потому мгновенно исправился. — Я признателен тебе, Касилия, и готов отплатить тебе за твою доброту...

Чародейка не дала ему закончить гневно

перебив. В ее взгляде снова почувствовался знакомый холод.

— Не испытывай мое терпение, варвар! — вспыхнула она, и Джугаро заметил, как пламя костра неестественно задрожало, но Касилия мгновенно обуздала свой приступ ярости. — Прости. Возможно, мне стоило иначе начать этот разговор. На самом деле мне не терпелось увидеть тебя, когда Эмрам поведала мне о том, что у меня есть брат. И что ты нуждаешься в помощи.

Джугаро в который раз удивился настойчивости Касилии. Странно, что она оставалась такой спокойной тогда, на рынке — совсем одна, но такая сильная и уверенная. А вот теперь, сидя напротив него, она была совершенно другой. Джугаро стало жаль ее, а потому он решил быть более осторожным и выслушать внимательно все просьбы Касилии и постараться ответить на них, какими бы безумными они не казались ему. В его голове в который раз промелькнуло то, что девушка очень сильно напоминает ему кого-то. На этот раз Джугаро задержал эту мысль. Варвар внимательно всмотрелся в черты лица чародейки. Все верно — ее глаза! У Орвала были точно такие же зеленые глаза, но у него самого глаза были голубые, как у отца. Впрочем, сходство можно было найти и в другом. Если она его родная сестра, то этих сходств должно было быть предостаточно.

Джугаро осмотрелся по сторонам. Вряд ли у Касилии имелось с собой зеркало. Он вспомнил, что видел зеркала у короля Арзула, которые отражали человека в полный рост. Лишь только в реках и озерах варвару доводилось видеть отражение своего лица. Когда он впервые увидел свое отражение в зеркале, то испугался тому, сколь четким оно было: как бы он не крутился перед ним, зеркало всегда показывало то, что, как думал варвар, оно видит. Даже заверения короля Арзула в том, что зеркало — это вещь, не могли разубедить Джугаро, искренне верящего в то, что зеркало это не только нечто волшебное, но еще и живое. Вот только со спины ему все никак не удавалось рассмотреть себя. Арзула очень позабавило знакомство варвара с зеркалом. Джугаро не догадался, что для чародейки вроде Касилии сотворить из пустоты зеркало было сущим пустяком.

Пока варвар изучал местность в поисках того, что могло хоть как-нибудь заменить зеркало, Касилия продолжала говорить и спрашивать его о чем-то. Вскоре чародейка поняла, что ее совершенно не слышат. Осознав, что все ее попытки привлечь внимание Джугаро тщетны, Касилия все же уловила взглядом, что ее брат что-то ищет. Вскоре он увидел неподалеку небольшое озеро. Кувшинки и лилии, растущие на

поверхности в центре и по краям озера, давали достаточно света. Странное явление, но это сейчас заботило Джутаро меньше всего. Опустившийся над озером легкий туман не скрывал, а наоборот вместе с цветами создавал призрачное белоснежно-голубое сияние, рассеивающее мрак приближающейся ночи. Резко вскочив на ноги, он посмотрел на Касилию и произнес напряженным голосом:

— Пойдем!

— Куда? — в недоумении спросила Касилия и ее глаза округлились от удивления. Ей на мгновение показалось, что все, что произошло с Джутаро, печальным образом отразилось на его рассудке, а потому серьезно его воспринимать не стоило. Вместо ответа Джутаро протянул ей руку. Немного настороженно Касилия коснулась его руки. И варвар увлек ее за собой. Озеро, преисполненное звуками жизни квакающих лягушек и плещущихся рыбок, перекликалось со стрекотом насекомых: светлячки и цикады исполняли свои вечерние концерты, где-то неподалеку ухал филин. Заветное озеро находилось шагах в двадцати от них. И, к радости Джутаро, света оно излучало предостаточно. Опустившись на колени у самого края воды и внимательно всматриваясь в свое отражение, он заговорил:

— Послушай, если я твой брат, то мы с тобой

должны быть похожи. Хотя мои волосы черные, а твои рыжие и глаза у тебя зеленые, а у меня голубые, сходство можно найти и в иных чертах. К тому же, у тебя точь-в-точь такие же глаза, как у моего... нашего деда. Я полагаю, что зеркала у тебя нет. Теперь тебе понятно? Зеркало нам заменит вот это озеро.

Теперь Касилия и впрямь все поняла. Чародейка опустилась рядом с варваром и, взглянув на свое отражение, перевела взгляд на отражение Джутаро. Затем оба посмотрели друг на друга и рассмеялись. Они действительно были похожи друг на друга — овал лица, лоб, уши, нос, подбородок и другие черты были идентичны. К тому же, Касилия была очень высокой.

— Ты очень похожа на деда. Теперь я понимаю, почему ты так напомнила мне кого-то. Я, правда, не сразу понял — кого. Но потом, когда ты сказала, что мы брат и сестра, я стал внимательнее прокручивать эту мысль. И когда вспомнил Орвала, то понял, что ты напоминаешь мне его.

— Орвал. Значит, так его звали, — прошептала Касилия.

— Да. Звали, — печально, словно эхо, отозвался Джутаро. — Отца звали Зовар. Они погибли больше года назад, сражаясь за наш народ, когда король Арзул вторгся в наши земли.

— Я знаю. У нашей матери была прочная

связь с нашим отцом. И эта связь передалась тебе, после смерти Зовара. Это особый дар, которым мама научила меня пользоваться. Так я нашла тебя. Вот почему и узнала сразу. Мне не нужно видеть тебя, чтобы знать, где ты. Радуюсь ли ты или, наоборот, печалишься, я разделяю твои печали и радости. Эта связь усилится, когда ты научишься чувствовать и использовать эту силу.

Джугаро и Касилия не заметили, как ночь опустилась на них. Там, где сквозь редкие пальмы и деревья виднелся песчаный берег, далеко на горизонте синева океана сливалась с синевой неба и обе превратились в мягкий темный бархат, усыпанный звездами. Их костер потух, но им было хорошо здесь вдвоем у озера. Касилия взяла Джугаро за руку — в ее изящных ладонях появился небольшой кинжал. Им чародейка сделала небольшой надрез на ладони варвара — так аккуратно, что он даже ничего не почувствовал. Такой же надрез она сделала и на своей ладони. Затем взяла руку Джугаро в свои. Их кровь удивительным образом сплелась и магическое сияние накрыло их. Когда все исчезло, они по-прежнему сидели у озера. Порезы на руках Джугаро и Касилии исчезли, не оставив даже шрамов. Немного удивленно брат посмотрел на сестру.

— Это магия крови. Она передаст тебе часть

моих знаний и воспоминаний. Эта связь будет усиливаться и становится еще крепче со временем. Мы будем чувствовать друг друга на расстоянии и, если кому-то потребуется помощь, то достаточно будет только подумать друг о друге, — объяснила она.

Вскоре Джутаро и Касилия услышали негромкое мирное ржание неподалеку. Из лесной чащи появилась небольшая группа единорогов. Их табун приблизился к чародейке и варвару.

— Они оберегают нас, Джутаро. Меня и Эмрам. И чувствуют, что в тебе течет та же кровь, что и во мне. Они готовы принять тебя, ибо ты часть мира, о котором еще так мало знаешь, — Касилия погладила единорога. Джутаро почувствовал, как один толкнул его своей мордой в плечо. Он рассмеялся и похлопал единорога по шее. Легендарное существо, о котором варвар слышал и от деда, и от отца, довольно заржало, как обычная лошадь. Затем Джутаро обратился к сестре:

— Спасибо тебе, Касилия. Если бы не ты, то..., — Джутаро не закончил свою мысль.

— Не стоит. Теперь все позади. Хотя рабство..., — Касилия тяжело вздохнула и продолжила. — Это ужасно. В этом я смогла убедиться, побывав на невольничьем рынке. И лечу твои раны.

Немного помолчали. Затем Касилия спросила:

— Мама много рассказывала об отце. Ты очень похож на него. Я хотела бы узнать о вашей жизни.

Джугаро печально улыбнулся и ответил:

— Много придется рассказывать. Хотя моя прошлая жизнь кажется мне теперь каким-то сном, который случился будто бы и не со мной. Но разве наша мать не дожидается нашего возвращения? — поинтересовался Джугаро.

— Это ее остров. Здесь вся магия подчиняется ей. Нам придется совершить путешествие не с помощью портала. Однако не беспокойся, единороги позаботятся о том, чтобы наше путешествие не было столь утомительным. Кстати, нам пора, — с этими словами Касилия запрыгнула на единорога и помчалась, словно ветер.

Единорог Джугаро напомнил ему своим ржанием, что им тоже пора выдвигаться в путь.

— Да, отец. Много же тайн ты хранил все эти годы. Что-то подсказывает мне, что пришло время мне узнать всю правду. И почему же мне кажется, что не все придется мне по душе? — Джугаро посмотрел в глаза своему единорогу. Огромные черные глаза белоснежного красавца, а это был самец, таинственно сияли в свете взошедшей луны. Джугаро вскочил на своего единорога и помчался вслед за Касилией по песчаному берегу, крепко держась за гриву своего скакуна.

Глава 3

Джутаро исчез. Светлячок, что вел его в это скрытое от посторонних глаз место, исчез вместе с ним. Гладь маленького озера вновь стала прежней, нетронутой и безмятежной. Тьма по-хозяйски окутала это место, а лес, казалось, спокойно вздохнул. Хаос, ворвавшийся и потревоживший покой, удалился столь же поспешно, как и само его неожиданное появление.

На другом конце света, известном как остров Эмрам, вода забурлила и запенилась. В самом центре глубокого озера с ревом и фырканием вылезло огромное черное чудище. Весь мокрый Джутаро выбрался на берег. Его спутник, волшебный светлячок, разросся до небывалых размеров — иллюзия, вызванная концентрацией ауры. Сияние, излучаемое аурой, напоминало калейдоскоп ярких цветов и переливающегося всевозможными оттенками драгоценного камня. Оттенки задвигались и заиграли, словно живые, и рассеялись сонмом бабочек столь же ярких цветов и непредсказуемых оттенков. Перед Джутаро стояла Касилия. Джутаро угрюмо посмотрел на сестру. Рыжеволосая чародейка как всегда была в хорошем настроении и улыбалась ему. Она рассмеялась тому, как смешно выглядел ее брат.

— Скажи, Касилия, ты, наверное, даже во сне

улыбаешься? — поинтересовался Джутаро.

— А что, есть повод печалиться? — вопросом на вопрос ответила весело Касилия.

— Зачем вы меня призвали? Мало того, что пришлось всполошить весь лес этой гонкой, так ты еще и искупать меня решила? — проворчал гигант. В его голосе слышалось непростое недовольство и раздражение. Джутаро ответил на призыв, но без особого энтузиазма. Касилия поняла, что радость встречи испытывает лишь она одна. Когда-то, много лет назад, Джутаро был другим: он был нежным братом и другом. Что же с ним стало? Была ли в том действительно вина ее матери и ее самой?

— Она хочет видеть тебя, — ответила чародейка. Речь шла о Эмрам. Касилия редко называла Эмрам матерью в присутствии Джутаро. Лучше было бы сказать — никогда! На это были особые причины. Счастливого воссоединения семьи, к несчастью, не произошло. Варварская сущность Джутаро не позволяла ему принять те вещи, которые Эмрам и Касилия пытались внушить ему.

Касилия продолжила, видя, как ярость закипает во взгляде брата, и поспешила предупредить эту вспышку гнева, убедив Джутаро не начинать ссору:

— И она сказала, что это важно. Прошу тебя,

не спорь. Все должно было быть не так. Поверь, я этого не хотела... И она тоже... Ты винишь нас. Что ж, вполне справедливо, но ты не знаешь и не понимаешь многих вещей, — лицо Касилии изменилось, когда в ответ на эти слова Джугаро лишь презрительно хмыкнул. Теперь чародейка стала печальна, словно самый хмурый осенний день. Касилия надеялась, что их маленькая игра в догонялки поможет Джугаро позабыть всю грусть и печаль, все разногласия и все непонимание, которые мешали им снова стать семьей. И Касилия верила в это искренне. Хотела верить даже сейчас, несмотря на всю отчужденность брата.

— Ну что ж, раз ты перестала улыбаться, значит и впрямь что-то важное, — ответил Джугаро безразлично, но это безразличие было лишь внешним. Глубоко внутри он боролся сам с собой: звериные инстинкты противостояли человеческим чувствам.

Внезапно в землю ударила молния, словно предупреждая о чем-то Джугаро и Касилию. В небе пророкотало. Где-то вдалеке глухо ответила надвигающаяся в сторону острова гроза. На острове Эмрам погода менялась в зависимости от настроения хозяйки этих мест. Остров величайшей волшебницы давно стал местом, в которое никто просто так не попадал: для одних это была судьба, для других — предназначение, для третьих — рок.

Одним словом — таинственный остров, затерявшийся посреди гигантского океана воды, времени и памяти.

Каскад молний вновь обрушился на берег озера, образовав столб света. Подул сильный ветер, поднявший тучи песка и пыли. Когда же все утихло, перед Джутаро и Касилией стояла их мать. Эмрам обратилась к Джутаро, не тратя время на приветствие, которое теперь и впрямь казалось лишним. Волшебница не стала бы заискивать перед собственным сыном. К тому же она хотела ему помочь, но Джутаро вел себя, как мальчишка.

— Да, Джутаро. Это действительно важно и твое снисхождение здесь неуместно. Особенно в отношении меня и Касилии. Именно потому я сама и явилась к вам обоим, догадываясь, что вы не станете торопиться. А между тем времени у нас мало.

Эмрам как всегда выглядела величественно. Глядя на нее и Касилию, можно было подумать, что они сестры-близнецы. Лишь только глаза у Эмрам были неопределенного цвета — ночью при свете луны одни, днем при свете солнца — другие, когда шла гроза, казалось, что именно эти глаза заставляют небо рокотать, а тучи извергать молнии.

Какое-то время мать и сын лишь молча смотрели друг другу в глаза. Что они видели во взглядах друг друга? Что хотели понять? Какие

тайны пытались разгадать? Что пытались скрыть? Касилия взволнованно переводила взгляд с Джутаро на Эмрам. Она молилась не зная кому и зачем, но зная, как страдала и страдает Эмрам. Дочь разделяла боль матери. К несчастью, в самом прямом смысле Касилия преумножала эту боль, даже не ведая о том.

— Чего ты хочешь? — вдруг резко и грубо спросил Джутаро у Эмрам, но она ему не ответила. Оборотень усмехнулся горько и печально. С еще большим презрением он добавил:

— Так я и думал. Глупо ожидать ответа. Ты не пожелала пустить меня в свое сердце. Хотя своей ложью заставила меня поверить в эту иллюзию. Твое лицемерие и двоедушие вполне могли бы поспорить с силой твоих чар. Однако только теперь я понимаю, что в твоём мире нет места для меня, и потому в моём мире нет места для тебя. В этом, пожалуй, мы на равных. Однако я не желаю больше тратить время на то, что и так ясно. Поэтому верните меня обратно.

— Джутаро..., — Касилия подалась в сторону брата. Все в ней молило о том, чтобы он не уходил, не оставлял все так, как есть. Оборотень посмотрел в сторону сестры и произнес слова, которые окончательно повергли чародейку в шок.

— Что, Касилия? Что ты хочешь услышать от меня? Оправдания?! Извинения?! Позволь! Не мне

оправдываться и извиниться за то, что сделали вы. Будет лучше, если и ты оставишь эту бесполезную игру, Касилия. Просто перестань притворяться, будто мы действительно семья, — Джутаро выплеснул это из себя, словно вулкан лаву, сметающую все на своем пути, не щадящую никого. Оборотень перевел взгляд на Эмрам. Сейчас злой огонь полыхал в ее глазах. Волшебница испепеляла Джутаро взглядом и не могла поверить в то, что это говорит ее собственный сын. Касилия спрятала лицо в ладонях и беззвучно всхлипывала. Чародейка не могла поверить, что с нею это происходит на самом деле, что она слышала это и ничего не могла изменить. Все ей казалось каким-то кошмарным сном, от которого она все никак не могла пробудиться.

— Чего ты хочешь сам? — также резко спросила сына Эмрам. В ее голосе не ощущалось даже тени презрения, лишь боль незаслуженно оскорбленной столь бессердечно.

— Какое тебе дело до того, чего хочу я! Я же здесь не по собственной воле, а потому что так хочешь ты! Я презренный варвар! Дикарь, от которого легко можно отречься и предать! Учти, я радости встречи не испытываю! — с еще большей злобой ответил ей оборотень.

— Очень жаль, — Эмрам ответила с такой печалью и болью в голосе, что Джутаро на

мгновение показалось, что она действительно рада его видеть, а он все испортил. Тем не менее, оборотень всколыхнул в сердце бурю мрачных воспоминаний последней встречи и не дал слабым человеческим чувствам взять вверх над собой. Джутаро даже стало совершенно безразлично, что чувства сестры и матери в это самое мгновение действительно были искренними. Касилия и Эмрам любили Джутаро и он был нужен им, как и они ему, но оборотень не хотел в это верить, а варвар боялся снова обмануться. Их понимание любви и привязанности давно стало ему чуждым. Когда-то он поверил в то, что вновь обрел семью. Теперь же Джутаро был твердо уверен в том, что его единственной семьей всегда были только отец и дед.

История третья

1

Джутаро медленно брел вдоль тоннеля, едва держась на ногах. Бой был тяжелым. И в этот раз его противником оказалось существо из внешнего мира — чужаком, забредшим сюда случайно, либо же посланным с неведомой целью кем-то, кто наверняка был многим сильнее и намного опаснее.

Однако чудовище осталось лежать мертвым в своем логове. Победа — вот что имело значение! В этом бою наконец-то пробудилась звериная сущность Джутаро — магия оборотня, магия перевоплощения и безграничных иллюзий, когда противник обреченный, вынужден сражаться с фантомами, а не с реальным врагом.

Теперь его обучение обрело смысл, как обретало смысл все то, о чем говорила Эмрам и Касилия. К тому же его соперник обладал могущественным артефактом — оружием, которое и стало причиной многочисленных ран Джутаро. Теперь эта сила принадлежала ему. Но надолго ли? Джутаро чувствовал, как слабеет каждую секунду. Каждый шаг давался с таким трудом. В висках пульсировала тупая боль и мучила жажда. Джутаро облизнул пересохшие губы и удивился тому, как он это сделал. Какими острыми стали зубы, как у дикого зверя! Но что было удивительнее всего, так это то, как он видел — его зрение изменилось еще во время боя, как и весь он сам: и изнутри, и снаружи.

Правая рука с жутким скрежетом царапала стену. Джутаро с трудом перевел взгляд. Как он выглядел теперь — было для него еще пока загадкой, но, судя по тому как выглядели его конечности, видок у него был еще тот. Он засмеялся и удивился тому, как странно звучит его

смех. Боль резко пронзила его тело. Левая рука потянулась к кровоточащей ране: шерсть мгновенно впитала в себя липкую субстанцию из пота и крови. Мельком глянув на рану, Джутаро понял, что потерял слишком много крови.

Осмотревшись, он печально вздохнул. Здесь не было места, где бы он мог отдохнуть. У него не было воды, и поблизости он также не ощущал присутствие источника. Кругом повсюду лежали лишь камни: безропотные и молчаливые наблюдатели, высеченные временем. Ни Касилия, ни Эмрам не отвечали на его призыв. Почему? Неужели они оставили его?! Джутаро ощущал, как теряет сознание. Неужели это конец? Похоже, что так оно и есть. Что ж, он слишком долго играл со смертью, глупо уверовав в то, что так будет всегда. Глупая игра окончилась смертью: его смертью!

Вскоре Джутаро упал почти у самого входа в пещеру. Он не умер, но и не был жив. Его душа отправилась в мир призраков и духов. И там варвар видел странный сон, если сном, то можно было назвать. Скорее — кошмарное видение его прошлого и настоящего, будущего и того, чего с ним никогда не было и случиться не должно было.

Джугаро снилась ветхая хижина Орвала. Она была такой старой что, наверное, не завалилась лишь только благодаря отремонтированной Зоваром кузнице. У отца и деда всегда находилось время помогать другим, а на свой дом времени все никак не удавалось выкроить. Порядок в доме и в кузнице поддерживали Орвал и малыш Джугаро. И все же это был дом, который он знал с детских лет, где провел большую часть своей жизни, не ведая, какой огромный мир простирается за пределами их родной варварской земли.

Столь странное чувство... Однако Джугаро не испытывал радости, словно чужой и этому месту, и этим людям. В сердце варвара росла тревога и беспокойство с горьким предчувствием того, что здесь его ожидает прошлое, о котором он никогда не догадывался и теперь осознавал, что совершенно знать не хочет, но было уже слишком поздно. Его никто не спрашивал. И он вынужден был ощущать эту боль и мириться с нею.

Джугаро снилась его семья: Зовар, Орвал, Эмрам и Касилия. Они сидели вчетвером в их хижине, но его самого рядом с ними не было. Как будто его и вовсе не существовало. Они были счастливы не подозревая, насколько несчастлив он. Как вот, неожиданно Эмрам поворачивает голову в

его сторону. Она видит его, знает, что он там, так далеко и, в тоже время, так близко. И все же она не позвала его, не предупредила остальных о том, что он здесь.

Кругом, сколько хватало глаз, царили тьма и пустота. Пустота была везде и повсюду, а также в тех, кто обитал в ней. Пустота позволила тьме заполнить себя и всех, кто скитался в ее бескрайних просторах. Ужасный альянс двух темных сил! Блуждание же всегда продолжало оставаться бессмысленным и бесцельным. Джутаро терялся в догадках, зачем он здесь. Почему он и его близкие окружены этой тьмой, этим миром обреченных душ и духов? Картины менялись, но лучше от этого они не становились. Джутаро видел жнецов — призраков, что приходили и отнимали жизнь у живых и уводили умерших в какой-то мрачный лес. Казалось, этот лес давно сгорел, но деревья не погибли, продолжая пребывать в каком-то полуживом состоянии. Их ветви временами печально качались, издавая стоны и скрип, что заставляли стыть кровь в жилах.

Ужасные жнецы, будто жрецы темных культов, вели живых людей, эльфов, орков, гномов, словно овец на убой, а те покорно следовали. Джутаро видел, как костлявые руки орудуют косами, несущими муки забвения, видел горы трупов и реки крови. Варвар прятался от

безжизненных взглядов бездушных палачей, притворяясь мертвым в надежде, что и его примут за мертвеца, не разгадают обман. Однако жуткое карканье черных воронов безошибочно указывало жнецам след Джутаро. Варвар видел, как эти птицы долбят мертвые ветви деревьев, и видел, как из этих ран льется настоящая живая кровь. Ужасное карканье было сродни злomu хохоту, который не уставал напоминать Джутаро о том, что конец его близок, что смерть его будет медленной и ужасной.

В мгновение все исчезло. Тьма вновь воцарилась повсюду, скрыв от живого мир боли обреченных на вечные страдания. Джутаро казалось, что он будто идет по тропе, но он ее не видел. Вокруг не было ничего, за что бы можно было взяться или ухватиться в случае падения, но ведь он и не падал!

Несколько раз Джутаро даже показалось, что он видел Касилию, Зовара и Орвала, но это скорее было даже ощущение их присутствия. Их образы таяли и исчезали всякий раз, когда Джутаро улавливал их присутствие. Вскоре он увидел фигуру, которая, как казалось, шла ему навстречу. Джутаро на мгновение остановился и начал вглядываться. Возможно, это была еще одна иллюзия? Однако он не смог рассмотреть ее — уж очень она была далеко.

Варвар решил поспешить. Ему стало

любопытно, поскольку фигура излучала свет. Какое-то серое и блеклое сияние, впрочем, довольно яркое посреди этой тьмы и пустоты, что нехотя расступались перед чужим этому миру призраком. Джутаро надеялся, что, возможно, там скрыты необходимые ему ответы и эта сила поможет ему вырваться из этого кошмара. Ему почему-то казалось, что появление призрака в этой реальности не случайно и между ними существует некая связь. Вскоре варвар обнаружил, что чем ближе он подходит к этой призрачной фигуре, тем сильнее растет его страх перед неизвестностью. Джутаро обернулся и посмотрел назад: ничего не изменилось, там было пусто, но спокойно, тогда как свет, наоборот, пугал. Свет готовился заполнить пустоту в Джутаро. Варвару стало страшно так, как никогда прежде. И Джутаро бросился бежать прочь от этого света — призрака, который неотвратимо шел ему навстречу. Что он мог дать ему? Не лучше ли оставить все как есть?

Какое-то время Джутаро бежал не оглядываясь. Хотя кругом была пустота, ему казалось, что его постоянно что-то удерживает и не дает бежать, мешает скрыться в спокойствии пустоты, а каждый рывок давался с таким трудом. Джутаро не оглядывался, но знал, что неумолимый призрак приближается. Вдруг он застыл, словно скованный незримым ледяным прикосновением.